7universum.com
UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Научный журнал
Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Выпуск: 7(134)

Июль 2026

Новосибирск
2026

ББК 63+66+87
U55

Главный редактор:
Лебедева Надежда Анатольевна - д-р культурологии, профессор.

Члены редакционной коллегии:
Абрамов Александр Петрович - д-р социол. наук, доц.;
Аринин Евгений Игоревич - д-р филос. наук, проф.;
Баранов Николай Алексеевич - д-р полит. наук, проф.;
Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна - д-р полит. наук, доц.;
Бессчетнова Оксана Владимировна - д-р соц-х. наук, проф.;
Гужавина Татьяна Анатольевна - канд. филос. наук, доц.;
Каницев Валерий Владимирович - д-р ист. наук, проф.;
Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович - канд. полит. наук;
Купченко Константин Владимирович - канд. ист. наук, доц.;
Мамедов Азер Агабала оглы - д-р филос. наук, проф.;
Мациевский Герман Олегович - д-р ист. наук, проф.;
Орехова Валерия Дмитриевна - канд. полит. наук, доц.;
Попова Ирина Викторовна - д-р соц-х. наук;
Саввина Людмила Ивановна - канд. филос. наук, доц.;
Серкина Яна Игоревна – д-р социол. наук, проф.;
Цымбал Оксана Григорьевна - канд. ист. наук, доц.;
Фролова Юлия Сергеевна – д-р социол. наук, проф.

U55 Universum: общественные науки: электронный научный журнал. – № 7(134). Новосибирск: Изд-во «Универсум», 2026. – 64 с. – Текст: электронный. – URL: *http://7universum.com/ru/social/archive/category/7134* (дата публикации: 15.07.2026).

ISSN : 2311-5327

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.134.7

Учредитель и издатель: ООО «Универсум»

© ООО «Универсум», 2026 г.

Содержание

История **4**

Отечественная история **4**

ВОЛЬКИ И ВОЛОХИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ 4
Русаков Дмитрий Александрович

Всеобщая история **17**

ИЗ СКРОМНЫХ МЕСТЕЧЕК – В БОЛЬШУЮ ИСТОРИЮ: ЭМИГРАНТЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. 17
Касяновская Анна Станиславовна

Философия **22**

Этика и эстетика **22**

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ СТОЛЯРОВОЙ И ЕЛЕНЫ ЛЕДЕР: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА 22
Жданова Юлия Викторовна

Политология и управление **36**

Политические институты и процессы **36**

ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА 36
Адилходжаева Сурайё Махкамовна

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОННОТАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АНГЛИИ 45
Батяновский Владислав Вадимович

Papers in English **55**

Political science and governance **55**

Political institutions and processes **55**

AMERICAN HEGEMONY IN TRANSITION: COERCIVE DIPLOMACY, MILITARY ADVENTURISM, AND THE RESHAPING OF MIDDLE EAST ORDER 55
Iman Jawad Hadi

СТАТЬЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ИСТОРИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Статья поступила в редакцию: 05.07.2026

Статья принята к публикации: 09.07.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК 930.1+94(4)

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.134.7.23138

ВОЛЬКИ И ВОЛОХИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Русаков Дмитрий Александрович
независимый исследователь, инженер,
РФ, г. Москва
E-mail: darusakov93@yandex.ru

VOLKAE AND VOLOCHS IN EASTERN EUROPE: AN INTERDISCIPLINARY STUDY

Rusakov Dmitrii
Independent researcher, engineer
Russia, Moscow

Аннотация

В данной статье было проведено междисциплинарное исследование, дополняющее гипотезу О.Н. Трубачева о тождестве между кельтским племенем вольков, упоминаемым античными авторами, и волохами Повести временных лет. В ходе исследования выявлено, что в состав племенной федерации вольков входило племя винделиков/венедов, чье имя было перенесено на славян из-за того, что славяне находились в подчинении у вольков. Выдвинута гипотеза о том, что палатализация заднеязычных, закон открытого слова и прочие ключевые фонетические инновации праславянского языка возникли под влиянием языка вольков в условиях кельто-славянского двуязычия. Также предложена гипотеза о миграции вольков на Нижний Дунай, их последующей романизации и происхождении от них балкано-романских народов: валахов-румын, влахов и прочих. С помощью биогеографических критериев разнообразия и древности субклада обоснована принадлежность волькам линии Y-хромосомы I-S20602/Y3120, тесно связанной с этногенезом славянских народов. Показано, что вольки

Библиографическое описание: Русаков Д.А. ВОЛЬКИ И ВОЛОХИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/23138*

входили в племенной союз бастарнов/лугиев, который охватывал земли Пшеворского культурного круга, на которых произошло становление антской/венедской половины славянства. Полученные результаты уточняют накопленные ранее данные о славянской истории, этнонимии, языкознании и хронологии миграций.

Abstract

This article presents an interdisciplinary study that complements O.N. Trubachev's hypothesis regarding the identity of the Volcae, a Celtic tribe mentioned by classical authors, with the Wallachians of the Tale of Bygone Years. The study revealed that the Volcae tribal federation included the Vindelici/Wendi tribe, whose name was transferred to the Slavs due to the Slavs' subordination to the Volcae. It is hypothesized that the palatalization of velars, the open word law, and other key phonetic innovations of Proto-Slavic arose under the influence of the Volcae language in the context of Celtic-Slavic bilingualism. A hypothesis is also proposed regarding the Volcae's migration to the Lower Danube, their subsequent Romanization, and the origin of the Balkan-Romanic peoples: the Vlachs-Romanians, the Vlachs, and others. Using biogeographic criteria of subclade diversity and antiquity, we have substantiated the Volkas' attribution to the Y-chromosome lineage I-S20602/Y3120, which is closely linked to the ethnogenesis of the Slavic peoples. It is shown that the Volkas were part of the Bastarnae/Lugii tribal union, which encompassed the lands of the Przeworsk cultural circle, where the Ant/Venedic half of the Slavic peoples emerged. These results clarify previously accumulated data on Slavic history, ethnonymy, linguistics, and migration chronology.

Ключевые слова: кельты, вольки, волохи, бельги, галлы

Keywords: Celts, Volcae, Volochs, Belgae, Gauls

Введение

Знаменитый лингвист О.Н. Трубачев считал, что решение проблем, касающихся ранних славянских миграций, возможно лишь при отождествлении волохов Повести временных лет (ПВЛ) с кельтским племенем вольков [25, с. 45-47, 350]. Мы полностью согласны с его мнением и в данной работе постараемся расширить как круг аргументов в поддержку его гипотезы, так и набор фактов, проистекающих из нее.

Членение кельтской общности

Греческий историк Аппиан Александрийский (II в.) рассказывал легенду о великане Полифеме, нереиде Галатее и их сыновьях – Кельте, Галате и Иллирии, от которых произошли кельты, галаты и иллирийцы [6, с. 193]. Латинская терминология отличалась от греческой: всю общность они делили на галлов, именовавших себя кельтами, и бельгов [13, с. 177-178]. Наиболее вероятно тождество греческих кельтов с латинскими галлами, а греческих галатов – с латинскими бельгами. О принадлежности иллирийцев к кельтской языковой общности ничего нельзя сказать из-за отсутствия каких-либо текстов и надписей на иллирийском языке.

Кельтский язык делится на 2 территориальные группы: P-кельтские (центральные) языки, где произошло развитие *k^w > p/b, и Q-кельтские (периферийные), у которых в северной части ареала произошло развитие *k^w > k (q), а в южной сохранилось *k^w. По нашему мнению,

жившие на Востоке галаты/бельги были носителями P-кельтских языков, а жившие на Западе кельты/галлы – Q-кельтских языков.

Этноним волохов и его передача в разных языках

Мы выводим общекельтский этноним из ПИЕ *k^{w}elh₁tae (колесничие), из чего следует, что его форма в Q-кельтских языках имела вид *kelh₁tae, а в P-кельтских языках – *pelh₁tae/*belh₁tae, т.е. этнонимы кельтов и бельгов связаны таким же образом, как этнонимы словаков и словенцев.

Бельги, носители P-кельтских языков, контактировали со многими народами, которые зачастую подвергали их этноним народной этимологизации: ирландцы называли их «[Fir] Bholg» ([народ] мешков), галлы именовали их «Belgae» (раздутые, злые), греки передавали их имя как «Οὐόλκαι», римляне – как «Volcae/Volcis», германцы – как «Walhaz», а славяне – как «Влахи/Валахи». Примечательно, что в славянских языках от их самоназвания произошло слово «волот/велет» (великан, гигант), что говорит о вражде между волохами и славянами [21, с. 9], а само слово «влах/валах» приобрело значение «пастух», что подчеркивает основу хозяйственного уклада волохов [19, с. 5].

Таким образом, экзоэтнонимы носителей P-кельтских языков можно разделить на 2 группы: этнонимы первой группы имеют начальный звук «p/b», а этнонимы второй группы – «w/v». Мы объясняем это отличие тем, что в одном из диалектов P-кельтского языка произошло развитие k^{w} > p/b > w/v.

Расселение волохов на Восток и завоевание славян

В середине V века до н.э. возникла Латенская археологическая культура, которую связывают с носителями кельтских языков. В начале – середине IV века до н.э. кельты завоевали Цизальпийский и Карпатский регионы, а к концу IV – началу III века до н.э. они вышли к Македонии, Иллирии, Греции, Фракии и Анатолии.

Страбон (I в.) писал, что племена бельгов жили на Севере Галлии – на побережье океана между реками Луарой и Рейном [13, с. 196-197]. Плиний (I в.) сообщал, что племена бельгов жили на Востоке Галлии – между реками Сеной и Шельдой [7, с. 48]. Версия Плиния смотрится более обоснованной: ядро Латенской археологической культуры находилось на Востоке – в верховьях Рейна и Дуная, где располагались P-кельтские языки, демонстрирующие наибольшую инновационность, что свойственно центральным диалектам [11, с. 198-199]. Впрочем, это не отменяет факт постепенного расширения ареала P-кельтских языков на Запад в Галлию, что видно по рудиментам *k^{w} в галльском языке: Sequana и Ucuetin вместо ожидаемых Sepana и Upetin.

В верховьях Дуная проживало бельгское племя винделиков (Vindelici), чей этноним происходит от слова vind/vined – если наша догадка о развитии w/v < p/b < k^{w} верна, то это слово восходит к *ven < *penn < *k^{w}ennom (голова, вершина горы), а добавление суффиксов, восходящих к ПИЕ *-elis и *-i-kos, дает прилагательное со значением «главные» или «горные». Иордан (VI в.) указывал на связь венетов со славянами – он говорил, что венетская общность состояла из двух групп: во-первых, склавинов (т.е. славян), живших как вдоль Карпат, так и внутри них, а во-вторых, антов (диалектная форма этнонима венетов [8, с. 36]), живших вне Карпат [23, с. 71-72, 90]. Примечательно, что в славянских языках от их названия произошло

слово «вятший/вящий» (сильнейший, больший, лучший) и имя ляшского племени вятичей (ед.ч. вятик) [19, с. 7].

Автор ПВЛ (XII в.) сообщал, что некогда славянская земля охватывала Паннонскую низменность (земли между Альпами и Карпатами), но потом туда пришли волохи, завоевали славян и поселились среди них [12, с. 11].

Таким образом, в начале – середине IV века до н.э. входившие в бельгский союз племен винделики завоевали славян на Дунае. Винделики были сюзеренами славян и потому их имя затмило славянское: на протяжении Раннего Средневековья соседи часто именовали разные группы славян венедами, причем некоторые народы сохранили эту традицию до нашего времени – немцы называют лужицких сербов «wenden», а финны называют русских «venät».

Исход славян и расселение волохов на Север

Цезарь (I в. до н.э.) упоминал, что когда-то племя вольков вело наступательную войну против германцев и захватило самые плодородные земли Германии около Оркинского/Герцинского леса [16, с. 130]. Тит Ливий (I в.) рассказывал, что во времена Тарквиния Древнего (VI в. до н.э.) царь кельтов Амбигат отправил одного своего племянника (Сеговеза) осваивать Герцинские горы, а другого племянника (Белловеза) – Италию [4, с. 263]. Плутарх (II в.) писал, что во времена Марка Фурия Камилла (IV в. до н.э.) галлы перешли Рипейские горы и заняли северную часть Европы, лежащую у берегов Северного моря [1, с. 157]. Тацит (II в.) сообщал, что галльское племя хелветов живет между Рейном, Майном и Герцинским лесом [26, с. 365], а на южном берегу Свебского (Балтийского) моря живут эстии, которые, хоть и походят обычаями на свебов, но говорят на языке, похожем на британский (P-кельтский) [26, с. 372]. Эвдокс Родосский (IV в.) рассказывал, что река Эридан течет из Рипейских гор и впадает в Западное море около земель кельтов [27, с. 211]. Судя по всему, здесь Рипейские горы тождественны Герцинским горам – покрытой лесом цепи плоскогорий, протянувшейся от Юго-Западной Германии до Северной Румынии: к Северу от них, действительно, находится полоса наиболее плодородных почв Центральной Европы. Эриданом называли янтареносную реку на Севере, т.е. этот гидроним относился либо к Неману, либо к Висле, причем второй вариант более вероятен, т.к. Висла течет с Карпатских гор, которые можно считать частью Герцинских гор.

В указанное время (III/II в. до н.э.) в обозначенном регионе (междуречье Одера и Вислы) появилась латенизированная Пшеворская археологическая культура, а вскоре рядом с ней образовалось несколько родственных ей культур, которые мы относим к Пшеворскому культурному кругу: Зарубинецкая (III/II в. до н.э.), Оксывская (II в. до н.э.) и Поянештская (II в. до н.э.). Мы убеждены, что суперстратное кельтское влияние в этих археологических культурах имеет единое происхождение, а сами культуры различаются только на уровне субстрата.

Автор ПВЛ сообщал, что вскоре после завоевания славян волохи стали их притеснять, из-за чего те переселились на Вислу, где прозвались ляхами [12, с. 11].

Таким образом, в VI/IV (по данным письменных источников) или в III/II (по данным археологии) веке до н.э. волохи расселились на Висле, хоть и не ясно, как это хронологически связано с переселением ляхов: волохи могли мигрировать как после ляхов, так и одновременно с ними.

Волохи в составе бастарнов или лугиев

Первое упоминание волохов в Восточной Европе содержит «декрет в честь Протогена» (III в. до н.э.) в Ольвии (Северо-Западное Причерноморье), в котором говорится о союзе галатов (Γαλάτας) и скиров (Σκίρους) [28]. Плутарх (II в.) писал, что во времена Гая Мария (I в. до н.э.) земли кельтов простирались на Север до границ обитаемого мира и на Восток до Меотиды и Скифии, где они создали со скифами общее кельтоскифское войско [1, с. 463]. Иордан (VI в.) сообщал, что готский царь Германарих (IV в.) подчинил себе гольтескифов (Golthescytha), т.е. галато-скифов/кельто-скифов [23, с. 89].

Страбон (I в.) рассказывал, что племенной союз бастарнов включал в себя 4 племени: атмонов (Ἀτμονοι), сидонов (Σιδονοι), певкинов (Πεύκινοι) и роксоланов (Ῥωξολάνοι) [13, с. 308]. Племя ароксоланов относилось к массагетской («великие/большие геты») общности [17, с. 9, 12; 18, с. 5], так что название бастарнов следует выводить из сакского ābastē, восходящего к ПИр *bastáh и ПИЕ *b^{h}end^{h} (связать, соединить). Этноним самих ароксоланов, вероятно, состоит из корня -(a)rox- и суффикса -ol-, образовывающего прилагательное географического типа, т.е. «люди с реки Аракса», а суффикс -nos/-anus добавлен греками/римлянами. Автор утверждал, что певкины назывались так по имени острова Певки (Πεύκη) в устье Дуная, который они контролировали [13, с. 307-308], но данное объяснение является народной этимологией, т.к. имя бельгского племени хелветиев (Ἑλουήτιοι) созвучно с древнегреческим словом ἐλάτη (пихта), которое синонимично слову πεύκη (сосна).

Тацит (II в.) писал, что племенной союз лугиев/лигиев состоял из множества народов, но наиболее значимые из них – харии (Harii), хелвеконы (Helveconae), манимы (Manimi), хелисии (Helisii) и наханарвалы (Nahanarvali) [26, с. 371]. По нашему мнению, этноним этого племенного союза восходит к ПИЕ *leug^{h} (связать клятвой, поклясться). Про наханарвалов автор рассказывал, что у них были жрецы в женских нарядах, а т.к. это перекликается с информацией Геродота о скифских гадателях-энареях, носивших женскую одежду [24, с. 203], то мы относим наханарвалов к восточным иранцам и считаем этот этноним-гапакс искаженным переписчиками этнонимом ароксоланов: arhoxolani > ahaxavani > (n)ahanarvali. Хелвеконы – латинизированный с помощью суффикса -onae и искаженный переписчиками этноним хелветиев (Helvetii): helvetonae > helveconae. Птолемей (II в.) относил к лугиям 3 племени: оманов (Ὀμανοὶ), дидунов (Διδοῦνοι) и буров (Βοῦροι) [29, с. 118-119]. «Харии» Тацита и «буры» Птолемея, по нашему мнению, передают искаженный переписчиками этноним скиров: skirii > sharii > harii, Σκίροι > Βίῦροι > Βοῦροι.

Поскольку этнонимы бастарнов и лугиев имеют одинаковое значение «связанные, соединенные», можно сделать вывод о том, что это два разноязычных названия одного и того же племенного союза – в пользу этого говорит и показанное нами выше присутствие ароксоланов и хелветиев в обоих объединениях.

Исходные формы других упомянутых этнонимов можно восстановить с не меньшей точностью, если обратиться к синхронным источникам. Мы считаем, что «атмоны» Страбона, «манимы» Тацита и «оманы» Птолемея представляют собой искаженный переписчиками этноним эстиев, чья германизированная с помощью суффикса -ing форма – астинги/асдинги [7, с. 163], а латинизированная с помощью суффикса -onae форма – эстионы [13, с. 208]: Εστίωνοι > Ἀτίωνοι > Ἀτμονοι, estioni > estimi > (m)animi, εστίωνοι > σίωνοι > ὀμανοὶ. Племя эстионов, по словам Страбона, входило в племенной союз винделиков/виндаликов [13, с. 208],

у которого существовало еще одно наименование – венделы/вандалы, о которых мы знаем, что в их состав входили асдинги и силинги. Силинги – это германизированная форма этнонима силиев, а их латинизированная – силоны, которая отразилась в «сидонах» Страбона, «хелисиях» Тацита и «дидунах» Птолемея: Σιλονοι > Σιδονοι, silonoi > hilinii > helisii, σιλονοι > σιδονοι > διδοῦνοι.

Плиний (I в.), не называя имени племенного союза, упоминал, что в районе Вислы жили сарматы (Sarmatis), венеды (Venedis), скиры (Sciris) и хирры (Hirris) [3, с. 24-25]. Очевидно, что под сарматами подразумевались роксоланы, а под венедами – венделы-эстии и венделы-силии. Хирры, по всей видимости, являются искаженным переписчиками этнонимом хелветиев: Helvetis > Heireris > Hirris. Предлагаемое нами отождествление племен представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Предлагаемое отождествление племен

Этноним	**Декрет Протогена**	**Страбон**	**Плиний**	**Тацит**	**Птолемей**
Эстии	Γαλάτας	Ἀτμονοι	Venedis	Manimi	Ὀμανοὶ
Силии		Σιδονοι		Helisii	Διδοῦνοι
Хелветии		Πεύκινοι	Hirris	Helveconae	-
Роксоланы	-	Ῥωξολάνοι	Sarmatis	Nahanarvali	-
Скиры	Σκίρους	-	Sciris	Harii	Βοῦροι

Таким образом, земли Пшеворского культурного круга населяли бельгские племена хелветиев и винделиков, живших также в соседствующих между собой римских провинциях Галлии Бельгской (Секвании), расположенной в верховьях Рейна, и Реции (Винделиции), расположенной в верховьях Дуная. Примечательно, что провинция Винделиция граничила с провинцией Нориком, жителей которого славянское предание, записанное Нестором, называло предками ляхов. Также интересно, что корень *leug^{h} (связать клятвой), к которому мы возводим этноним лугиев, имеет степени аблаута *lug^{h}/*loug^{h}/*leug^{h} (зафиксированы как Lugii/Λούγιοι и Lygii/Ligii/Λύγιοι), которые, при образовании формы продолжающегося действия/состояния с помощью инфикса -n-, дают формы *lung^{h}/*long^{h}/*leng^{h} (быть связанными клятвой), а те, при заимствовании в праславянский, дают формы *lǫg/*lǫg/*lęg – последняя из них, после деназализации, дала этноним ляхов.

Археологические культуры волохов

Еще В.В. Седов обратил внимание на то, что Пшеворскую культуру можно разделить на 2 ареала по важнейшему этноопределяющему признаку – обряду погребения: в верховьях Одера и Вислы доминируют урновые кремации, а в междуречье среднего течения Варты, Вислы и Буга – безурновые кремации [22, с. 189-193]. Ввиду того, что урновые погребения расположены в исторических регионах Силезии и Галиции, чьи названия происходят от имен силиев и хелветиев (*heluētī), мы отождествляем урновый ареал Пшеворской культуры с данными племенами. В пользу этого говорит и расположение этих регионов у подножий Карпат,

где находится не только плодородная почва, но и холмистые склоны гор, пригодные для пастушества, столь свойственного волохам. Так как Страбон называл остров Певку принадлежащим «певкинам» (хелветиям), то и находящуюся около этого острова Поянештскую культуру следует отождествлять с хелветиями.

В Оксывской культуре также есть урновые и безурновые погребения – поскольку письменные источники сообщают о проживании эстиев на побережье Балтики около низовий Вислы и их торговле янтарем, мы отождествляем урновый вариант Оксывской культуры с эстиями.

Предлагаемое нами соотнесение племен и культур представлено на Рисунке 1, где фиолетовое – Оксывская культура, светло-красное – безурновый ареал Пшеворской культуры, темно-красное – урновый ареал Пшеворской культуры, оранжевое – Зарубинецкая культура, синее – Поянештская культура. Пределы археологических культур, в целях упрощения, проведены по водоразделам, а потому приблизительны.

Рисунок 1. Племена волохов в Восточной Европе

Примечательно, что безурновые ареалы совпадают с ареалом наибольшей плотности праславянских гидронимов в Восточной Европе по С. Роспонду и Т. Лер-Сплавинскому [22, с. 73]. Также интересно, что ареалы волохов образуют как бы цепь, отделяющую их

вассалов (ляхов, балтов, население бывшей Культуры подклошевых погребений и пр.) от германцев, римлян и даков/гетов. Схожую картину можно наблюдать в ареале культур Левобережья Днепра и Окско-Сурского междуречья в эпоху Средневековья: цепь крепостей аорсов на Дону-Донце, Цне-Мокше и Суре отделяла их вассалов (ляхов, праэрзян и прамокшан) от кочевников [18, с. 10; 19, с. 10].

Переселение волохов на правый берег Дуная

Со II века до н.э. волохи в составе бастарнов/лугиев неоднократно участвовали в конфликтах с римлянами – первым из таких столкновений стали Македонские войны, когда царь Македонии пригласил 30 тысяч бастарнов помочь ему в войне с дарданами в обмен на возможность поселиться в Дардании (Южная Сербия) [5, с. 397]. В III веке римляне стали предлагать варварам переселение на римскую землю в обмен на воинскую службу – бастарны упоминаются не менее чем в двух таких эпизодах: в ~280 году император Проб переселил во Фракию 100 тысяч бастарнов, спасающихся от готов [9, с. 426; 2, с. 186], а в ~299 году император Диоклетиан переселил в неизвестную провинцию неизвестное число бастарнов, побежденных его войсками [10, с. 44]. Римские императоры предпочитали создавать однонациональные поселения федератов, а потому наиболее вероятно, что все прочие переселения волохов также были направлены в области Нижнего Дуная.

Волохи несли воинскую службу на Придунайском лимесе, т.е. их романизация проходила к Северу от линии Иречека, разделявшей римскую территорию на латинскую и греческую части, а значит они должны были стать носителями латинского языка. Осваивать Балканы, чаще всех прочих носителей латыни, отправлялись жители Южной Италии, а значит волохи должны были усвоить южно-итальянский диалект латинского – его потомки расположены к Югу от линии Специя-Римини, разделяющей романоязычные земли на северо-западный и юго-восточный ареал. На Южных Балканах распространены балкано-романские языки, как раз принадлежащие к той же ветви романских языков, что и южноитальянские языки: примечательно, что экзоэтноним носителей этих языков – валахи, а эндоэтноним – романы и/или валахи.

Мы считаем, что румыны, аромуны, мегленорумыны и истрорумыны происходят от волохов, поселенных римлянами в III веке на Нижнем Дунае в качестве федератов, а в ходе Великого переселения народов (IV-VII вв.) оттесненных в горы Греции. Начиная с XI века валахи упоминались в документах Восточной Римской империи, в XII веке они создали в Фессалии и соседних областях свое государство – Великую Влахию, а также приняли участие в создании Влахо-болгарского царства – тогда же некоторая их часть переселилась в Южную Дакию, где в XIV веке возникла Валахия.

Генетика волохов

В последние 20 лет молекулярная генеалогия, исследующая в т.ч. родство по Y-хромосоме, активно развивается: растут как научные, так и коммерческие выборки образцов, исследуется все больше древней ДНК. Благодаря развитию этой науки стало ясно, что субклад Y-хромосомы I-S20602/Y3120 (датировка YFull: II в. до н.э.; датировка FTDNA: V в. до н.э.) тесно связан с праславянами, но расположение его предковых и сестринских субкладов в Северо-Западной Европе заставляет искать нетипичные пути его попадания в праславянскую популяцию.

Мы нанесли на карту все публичные образцы с субкладами, являющимися дочерними по отношению I-Y3120, что позволило нам очертить ареал его распространения (см. Рисунок 2) – видно, что он занимает огромную часть Европы и это затрудняет определение места его происхождения.

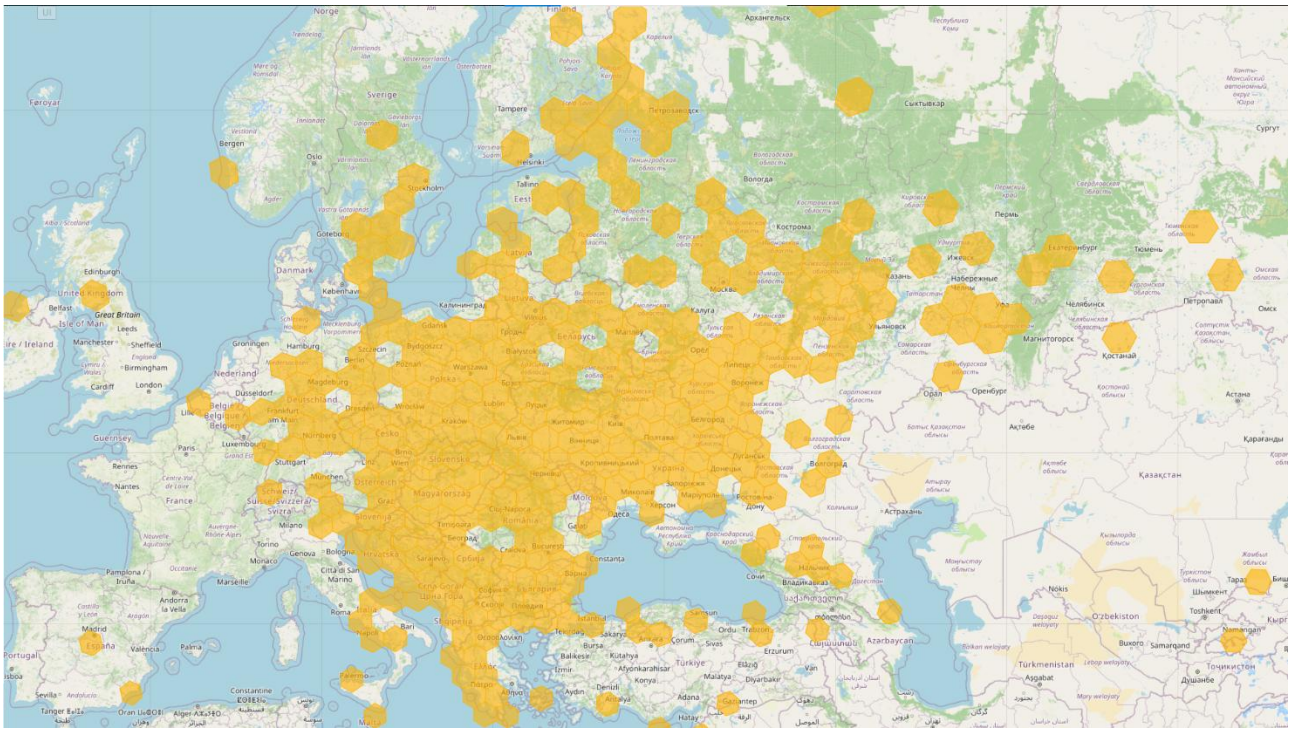

Рисунок 2. Ареал распространения I-S20602/Y3120

Одним из наиболее распространенных критериев локализации прародины вида в зоологии/ботанике является т.н. критерий разнообразия по Н.И. Вавилову: прародина вида находится там, где количество его подвидов имеет наивысшее значение. Зачастую этот критерий используют и в лингвистике: прародины языка находится там, где разнообразие его диалектов максимально. Само собой, он применим и при исследовании популяций человеческого вида.

Мы разделили область распространения I-Y3120 на прямоугольники со стороной, равной 1 градусу широты/долготы, а затем посчитали количество дочерних ветвей этого субклада в каждом прямоугольнике. Помимо этого мы присвоили каждой дочерней ветви вес в зависимости от того, насколько ее датировка близка к датировке I-Y3120: справедливо ожидать, что ветвь, датированная I в. н.э. будет локализовываться ближе к прародине родительского субклада, чем ветвь, датированная V в. н.э. На Рисунке 3 показано, что наибольшее разнообразие данный субклад имеет в Фессалии, где некогда существовала Великая Влахия, в районе Фракии, где римскими императорами были поселены волохи, в районе Восточных Карпат, где известны Бастарнские горы [20, с. 18], в районе Галиции, где мы локализуем хелветиев, и в районе Нижней Вислы, где античные авторы помещали эстиев. Значимый уровень разнообразия наблюдается и в Прикарпатье – исходной области расселения волохов, а также в землях к Северу и Востоку от них, где проживали их сюзерены-венеды.

Таким образом, критерий разнообразия говорит в пользу того, что субклад Y-хромосомы I-S20602/Y3120 был одним из субкладов волохов.

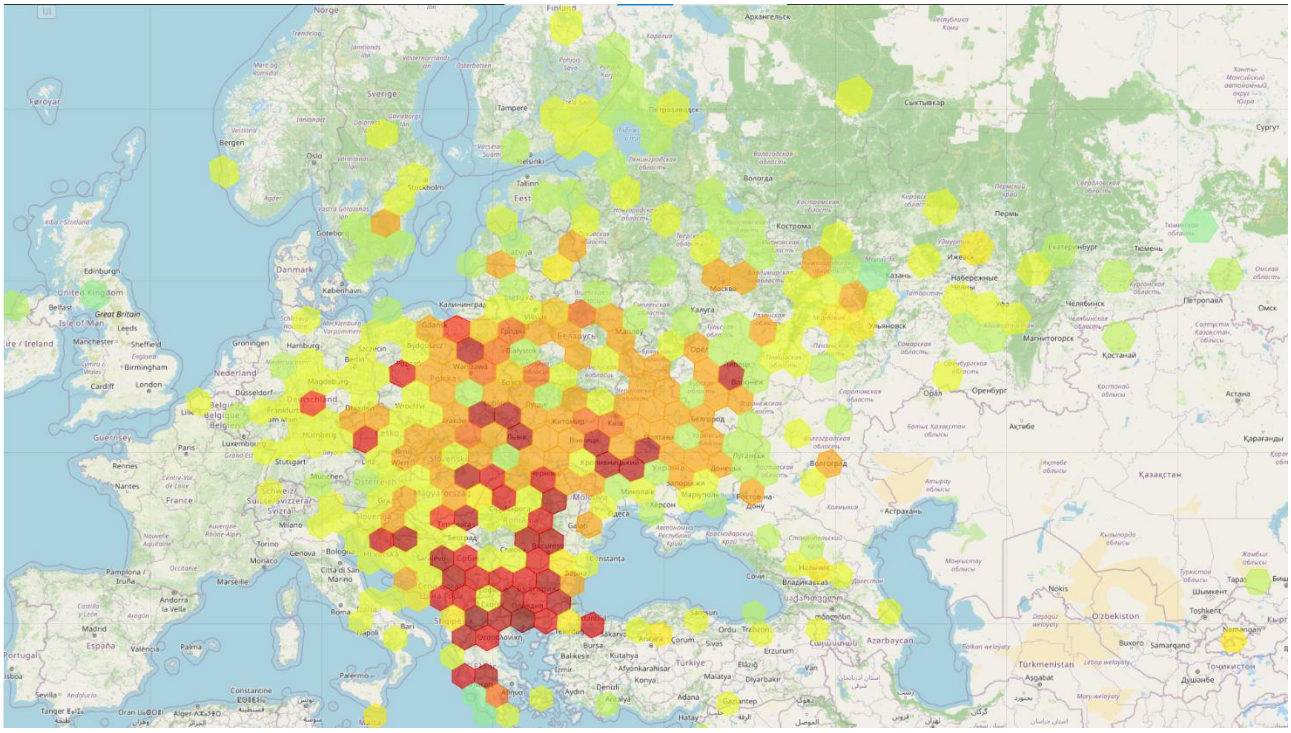

Рисунок 3. Локальные пики разнообразия I-S20602/Y3120

Влияние языка волохов на языки Европы

С.В. Назин, ученик О.Н. Трубачева, сделал очень важное для славистики наблюдение: палатализация заднеязычных присутствовала не только в праславянском языке, но и в народной латыни, а значит появление этой фонетической особенности в обоих языках может быть связано. Он считает, что палатализация изначально возникла в латинском языке, а последовавший в I веке захват славянской прародины римлянами, которых он отождествляет с летописными волохами, и переход славян-паннонцев к славяно-латинскому двуязычию привели к тому, что палатализация появилась и в праславянском языке [14, с. 168]. С этим выводом мы не можем согласиться, т.к. в Поднепровье есть древние славянские гидронимы с 1-й палатализацией, на что сам он обращал внимание [15, с. 41]: наиболее вероятно, что их оставили ляхи зарубинецкой археологической культуры, появившейся на Днепре в конце III – начале II века до н.э., т.е. задолго до захвата славянской земли римлянами, а значит эта особенность возникла в праславянском языке еще до отделения ляхов от дунайских славян.

В то же время общий ход его мысли о внешнем источнике революционных изменений праславянского языка кажется нам верным. Мы изучили географию распространения палатализаций заднеязычных у народов Европы и обнаружили, что они существовали в P-кельтских языках, таких как бретонский, а также в тех языках, чьи носители соседствовали с носителями P-кельтских языков: в народной латыни, в праславянском и в германских языках ингевонской группы (английский и фризский языки).

Интересно, что в ингевонских языках присутствует не только палатализация заднеязычных, но и другие явления, выявленные в праславянском языке: отпадение конечных согласных, монофтонгизация дифтонгов, возникновение носовых гласных, метатеза -r- между гласным и согласным звуками.

Таким образом, во времена Латенской культуры носители италийских, германских и славянских языков попали под мощное влияние носителей P-кельтских языков и, в результате двуязычности, их языки переняли фонетические особенности языка волохов.

Выводы

Отождествление летописных волохов с восточно-кельтским племенем вольков/бельгов не только позволило датировать переселение ляхов с Дуная на Вислу, но и дало ответы на еще несколько важных вопросов славистики: причину появления у ляхов экзоэтнонима «венеды», причину резких изменений в фонетике праславянского языка и даже причину присутствия в славянском генофонде одной из восточно-кельтских линий Y-хромосомы.

Список литературы:

1. Аверинцев С.С. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Т. 1 – М.: Наука, 1994. – 702 с.
2. Болгов Н.Н. Зосим. Новая история: Книга I // Античный мир: материалы науч. конф., Белгород, 15 окт. 1999 г. – 1999. – С. 154–186.
3. Гиндин Л.А., Литаврин Г.Г. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I: (I–VI вв.) – 473 с.
4. Голубцова Е.С. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том I. Изд-во «Наука» М., 1989.
5. Голубцова Е.С. Тит Ливий. История Рима от основания города. Том III. Изд-во «Наука» М., 1993.
6. Голубцова Е.С. Аппиан. Римская история. (Серия «Памятники исторической мысли»). М.: Наука. 1998.
7. Граков Б.Н. Древние германцы Сборник документов / Вводная статья и ред. А.Д. Удальцова. – Москва: Соцэкгиз, 1937. – 222.
8. Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. – 2012. – Т. 71. – С. 34–38.
9. Доватур А.И. Властелины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана/пер. СП Кондратьева. – Москва: Наука, 1992.
10. Донченко А.И. Евтропий. Краткая история от основания Города = Breviarium ab Urbe condita // Римские историки IV века. – 1997. – С. 5–73.
11. Касаткин Л.Л. АРЕАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА // Большая российская энциклопедия. Том 2. Москва,. – 2005.
12. Лихачев Д.С., Творогов О.В. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 года – СПб.: Вита Нова, 2012.
13. Мищенко Ф.Г. «География» Страбона в 17 книгах – Москва: Типография Т. Рис, 1879–1177 с. – 1177 с.
14. Назин С.В. Об обстоятельствах возникновения этнонима «славяне» // Исторический формат. – 2018. – Т. 2018, № 1.
15. Назин С.В. ДУНАЙ ИЛИ ДНЕПР: ГДЕ ИСКАТЬ ПРАРОДИНУ СЛАВЯН? // Исторический формат. – 2024. – Т. 2024, № 3.
16. Покровский М.М. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне // Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. – М.-Л., 1948.

17. Русаков Д.А. «МЕЛЬПОМЕНА» ГЕРОДОТА: РЕКОНСТРУКЦИЯ КАРТЫ, НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И ИХ МЕСТОПОЛОЖЕНИЙ // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2025.
18. Русаков Д.А. ЛОКАЛИЗАЦИЯ АОРСОВ С ПОМОЩЬЮ СВЕДЕНИЙ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2025.
19. Русаков Д.А. Об этнонимах населения именьковской культуры // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2025.
20. Русаков Д.А. Локализация сарматских, карпатских, бастарнских и серрских гор по сведениям письменных источников // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2025.
21. Русаков Д.А. КОМПИЛЯЦИОННАЯ ГИПОТЕЗА ПРОИСХОЖДЕНИЯ «БАВАРСКОГО ГЕОГРАФА» // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. – 2025.
22. Седов В.В. Славяне в древности / Ин-т археологии РАН, Рос. Ф. фундаментальных исслед. М.: НПБО «Ф. археологии», 1994. 343 с.
23. Скржинская Е.Ч. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. – СПб.: Алетейя. 1997–505 с.
24. Стратановский Г.А. Геродот. История в девяти книгах; Под общ. ред. С.Л. Утченко; Ред. пер. Н.А. Мещерский. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 600 с.
25. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования М.: Наука, 2003. – 495 с.
26. Утченко С.Л. Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения – Л.: Наука, 1969. – 444 с.
27. Шафарик П.И. Славянские древности. Часть историческая / П.И. Шафарик; пер. И. Бодянский. – Москва: Университетская типография, 1838. – Том 1, Книга 3. – 300 с. – 300 с.
28. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (IosPE I²) №32.
29. Nobbe K. Claudii Ptolemaei Geographia, Sumptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843, tom.I.

References:

1. Averintsev S.S. [Plutarch. Comparative Lives. In 2 volumes. Vol. 1 – Moscow: Nauka, 1994] . – 702 s (In Russian).
2. Bolgov N.N. [Zosimus. New History: Book I] // Antichnyj mir: materialy nauch. konf., Belgorod, 15 okt. 1999 g. – 1999. – S. 154–186 (In Russian).
3. Gindin L.A., Litavrin G.G. [Collection of Ancient Written Records about the Slavs. Moscow, 1994. Vol. I: (1st–6th centuries) – 473 p.] (In Russian).
4. Golubtsova E.S. [Livy. History of Rome from Its Foundation. Volume I. Nauka Publishing House, Moscow, 1989] (In Russian).
5. Golubtsova E.S. [Livy. History of Rome from Its Foundation. Volume III. Nauka Publishing House, Moscow, 1993] (In Russian).
6. Golubtsova E.S. [Appian. Roman History. (Series 'Monuments of Historical Thought'). Moscow: Nauka. 1998] (In Russian).
7. Grakov B.N. [Ancient Germans. Collection of Documents] / Vvodnaya stat'ya i red.A.D. Udal'tsova. – Moskva: Sotsekgiz, 1937. – 222 (In Russian).
8. Gratsianskij M.V. [On the Origin of the Ethnonym 'Antes'] // Vizantijskij vremennik. – 2012. – T. 71. – S. 34–38 (In Russian).
9. Dovatur A.I. [Masters of Rome. Biographies of Roman Emperors from Hadrian to Diocletian / translated by S.P. Kondratyev] . – Moskva: Nauka, 1992 (In Russian).

10. Donchenko A.I. [Eutropius. Brief History from the Foundation of the City = Breviarium ab Urbe condita] // Rimskie istoriki IV veka. – 1997. – S. 5–73 (In Russian).
11. Kasatkin L.L. [Areal Linguistics] // Bol'shaya rossijskaya entsiklopediya. Tom 2. Moskva,. – 2005 (In Russian).
12. Likhachev D.S., Tvorogov O.V. [The Tale of Bygone Years according to the Laurentian Manuscript of 1377 – St. Petersburg: Vita Nova, 2012] (In Russian).
13. Mishchenko F.G. «Geografiya» Strabona v 17 knigakh – Moskva: Tipografiya T. Ris, 1879–1177 s. – 1177 s (In Russian).
14. Nazin S.V. [On the Circumstances of the Origin of the Ethnonym 'Slavs'] // Istoricheskij format. – 2018. – T. 2018, № 1 (In Russian).
15. Nazin S.V. [The Danube or the Dnieper: Where to Seek the Homeland of the Slavs?] // Istoricheskij format. – 2024. – T. 2024, № 3 (In Russian).
16. Pokrovskij M.M. [The Commentaries of Julius Caesar and His Continuators on the Gallic War, on the Civil War, on the Alexandrian War, on the African War] // Zapiski Yuliya Tsezarya i ego prodolzhatelej o Gall'skoj vojne, o Grazhdanskoj vojne, ob Aleksandrijskoj vojne, ob Afrikanskoj vojne. – M.-L., 1948 (In Russian).
17. [Rusakov D.A. 'Herodotus's Melpomene': Reconstruction of the Map, Names of Tribes and Their Locations] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2025 (In Russian).
18. Rusakov D.A. [Localization of the Aorsi Using Information from Written Sources] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2025 (In Russian).
19. Rusakov D.A. [On the Ethnonyms of the Population of the Imenkovo Culture] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2025 (In Russian).
20. Rusakov D.A. [Localization of the Sarmatian, Carpathian, Bastarnian and Serrian Mountains According to Information from Written Sources] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2025 (In Russian).
21. Rusakov D.A. [The Compilation Hypothesis of the Origin of the 'Bavarian Geographer'] // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. – 2025 (In Russian).
22. Sedov V.V. [Slavs in Antiquity] / In-t arkheologii RAN, Ros.F. fundamental'nykh issled.M.: NPBO «F. arkheologii», 1994. 343 s (In Russian).
23. Skrzhinskaya E.Ch. [Jordanes. On the Origin and Deeds of the Getae] . – SPb.: Aletejya. 1997–505 s (In Russian).
24. Stratanovskij G.A. [Herodotus. History in Nine Books; General editor S.L. Utchenko; Translation editor N.A. Meshchersky] . – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972. – 600 s (In Russian).
25. Trubachev O.N. [Ethnogenesis and Culture of the Ancient Slavs. Linguistic Studies. Moscow: Nauka, 2003] . – 495 c (In Russian).
26. Utchenko S.L. [Tacitus. Works in Two Volumes. Vol. 1. Annals. Minor Works – Leningrad: Nauka, 1969] . – 444 s (In Russian).
27. Shafarik P.I. [Slavic Antiquities. The Historical Part] / P.I. Shafarik; per.I. Bodyanskij. – Moskva: Universitetskaya tipografiya, 1838. – Tom 1, Kniga 3. – 300 s. – 300 s (In Russian).
28. Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae (IosPE I²) №32.
29. Nobbe K. Claudii Ptolemaei Geographia, Sumptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843, tom.I.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Статья поступила в редакцию: 06.07.2026

Статья принята к публикации: 09.07.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК 930.1+304.8

ИЗ СКРОМНЫХ МЕСТЕЧЕК – В БОЛЬШУЮ ИСТОРИЮ: ЭМИГРАНТЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Касяновская Анна Станиславовна

канд. ист. наук, доц.
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Республика Беларусь, г. Гродно
E-mail: jemma555@mail.ru

FROM HUMBLE PLACES TO BIG HISTORY: EMIGRANTS FROM WESTERN BELARUS IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Kasyanovskaya Anna Stanislavovna

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
Yanka Kupala State University of Grodno Grodno,
Republic of Belarus, Grodno

Аннотация

Статья посвящена судьбам выдающихся выходцев из Западной Беларуси, покинувших родные края в первой половине XX века и добившихся признания за рубежом. Автор рассматривает биографии ряда известных эмигрантов — деятелей науки, культуры, политики и общественной жизни, чьи корни уходят в небольшие местечки региона, входившего тогда в состав Российской империи и Польской Республики. В работе прослеживается путь эмигрантов от провинциальной повседневности к значимым достижениям на международном уровне: анализируются обстоятельства отъезда, этапы адаптации в новых условиях, а также факторы, способствовавшие их профессиональному и общественному росту. Особое внимание уделено социокультурному портрету эмигрантов: их этнической и конфессиональной принадлежности, профессиональным навыкам, уровню образования, а также роли местечек как центров формирования миграционных стратегий. В основу работы положен принцип историзма и системного анализа. В статье использовались сравнительно-исторический и биографический методы (просопография). Источниковой базой статьи служат мемуарная литература, периодическая печать эмигрантских сообществ, а также исследования по истории белорусской эмиграции. На примерах

Библиографическое описание: Касяновская А.С. ИЗ СКРОМНЫХ МЕСТЕЧЕК – В БОЛЬШУЮ ИСТОРИЮ: ЭМИГРАНТЫ ИЗ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/23156*

конкретных судеб раскрывается взаимосвязь личного пути эмигранта с широкими историческими процессами первой половины XX века. Статья адресована историкам, социологам, краеведам и всем, кто интересуется миграционной историей Восточной Европы XX века.

Abstract

This article explores the lives of prominent individuals from Western Belarus who left their homelands during the first half of the 20th century and achieved recognition abroad. The author examines the biographies of several prominent émigrés—figures in science, culture, politics, and public life—whose roots lie in the small towns of the region, which was then part of the Polish Republic. The work traces the emerges journey from provincial everyday life to significant achievements on the international stage: it analyzes the circumstances of their departure, the stages of adaptation to the new environment, and the factors that contributed to their professional and social advancement. Particular attention is paid to the socio-cultural portrait of emigrants: their ethnic and religious affiliation, professional skills, level of education, as well as the role of shtetls as centers for the formation of migration strategies. The article draws on memoirs, periodicals from émigré communities, and research on the history of Belarusian emigration. Using examples of specific fates, the connection between the personal path of an emigrant and the broad historical processes of the first half of the 20th century is revealed. This article is addressed to historians, sociologists, local historians, and anyone interested in the migration history of Eastern Europe in the 20th century.

Ключевые слова: Западная Беларусь; эмиграция; межвоенный период; местечки; известные эмигранты; биографии; национальная идентичность; культурное наследие; исторические судьбы.

Keywords: Western Belarus; emigration; interwar period; shtetls; famous emigrants; biographies; national identity; cultural heritage; historical destinies.

Введение

Первая половина XX века стала эпохой глобальных геополитических потрясений, которые изменили карту Восточной Европы. Для Западной Беларуси этот период ознаменовался чередой войн, разрушением прежних экономических связей, сменой государственных границ и вхождением региона в состав межвоенной Польши (Второй Речи Посполитой). Экономическая стагнация, аграрное перенаселение, нехватка земли и национально-культурное давление вынуждали сотни тысяч жителей местечек искать спасения за рубежом.

Основная цель исследования: раскрыть феномен эмиграции из Западной Беларуси на примерах конкретных эмигрантов, выходцев из местечек; проследить процесс их адаптации в новых странах и оценить вклад выходцев из региона в развитие принимаемых стран.

Задачи исследования: 1) Реконструировать социокультурный портрет эмигранта из западнобелорусских местечек (социальный статус, профессия, уровень образования, этническая и конфессиональная принадлежность); 2) Оценить вклад выходцев из Западной Беларуси в хозяйственную, общественную и культурную жизнь принимающих стран.

В основу работы положен принцип историзма и системного анализа. Использовались сравнительно-исторический и биографический методы (просопография). Источниковой базой

статьи служат мемуарная литература, а также исследования по истории белорусской эмиграции [1-10].

Материалы и методы

Известный еврейский поэт и публицист Давид Эйнерхорне (Эйнгор) (1886–1973 гг.) родился в местечке Кореличи Минской губернии (позднее Новогрудского воеводства). Он родился в семье бывшего семейного врача и раввина, учился в г. Волковыске. В 1909 г. выпустил свой первый сборник стихов «Штиле гезанген» («Тихие песни»), за которым последовал «Майне Лидер» («Мои стихи») в 1913 году. Критики высоко оценили лирическое качество стихов в этих произведениях, часто посвященных конфликту между традиционным порядком и современностью, и многие из них впоследствии были положены на музыку. В 1912 г. после ареста эмигрировал в Париж, потом в Берн, где писал для детского идишского периодического издания «Грининке Беймелех» и виленского журнала «Ди Юдише Вельт». С 1917 г. жил и работал в Варшаве, издал книгу «Цу а Идишер Тохтер» («Еврейской дочери»), с 1920 г. – жил в Берлине, где издал два сборника стихов. С 1942 года эмигрировал в США, где продолжал писать под разными псевдонимами: Монокармус, А. Лезер, Ахер и Шигён ле-Довид [4, с. 18–19]. Его путь — пример того, как выходцы из небольших общин становились связующим звеном между локальной памятью и глобальными общественными процессами.

Местечко Гольшаны Виленской губернии (позднее Виленского воеводства) было родиной известного еврейского журналиста и писателя Бен Циона Гольдберга (Бенцион Вейф) (1894–1972 гг.). Учился в иешивах Лиды и Воложина, в 1907 г. эмигрировал в США, где закончил отделение психологии Колумбийского университета со степенью доктора. Был редактором и сотрудником многих известных газет: «Дер тог», «Jewish Digest», «Эйникайт». С 1946 стал членом Союза еврейских писателей. В 1943 – 1946 гг. был председателем Американского комитета еврейских писателей, художников и ученых [3, с. 61]. Благодаря своему перу Гольдберг стал голосом целого поколения эмигрантов, помогая им осмыслить свой опыт и найти место в новом мире.

Эстер-Рохл Каминская (Гальперн) (1870–1925 гг.), известная еврейская актриса и театральный деятель родилась в местечке Порозово Гродненской губернии, в семье кантора местной синагоги. В 1983 г. вышла замуж за польского актера и режиссёра Аврума-Ицхока Каминского и переехала на постоянное место жительство в Варшаву, где играла в театре и снималась в кино. С гастрольными турами ездила по России и США. Театральные критики ее называли «Еврейской Элеонорой Дузе» [6, с. 216]. Её творчество стала важным вкладом в формирование театральной традиции диаспоры, а её талант и преданность искусству вдохновляли многих современников.

Местечко Вишнево Виленской губернии и Виленского вовеводства стало родиной одного из лидеров сионизма Нахума Гольдмана (1895–1982). Он был одним из основателей Всемирного еврейского конгресса. Позже Нахум Гольдман стал первым председателем исполнительного совета, а в 1949-1978-х годах – президентом Всемирного еврейского конгресса [2]. Получив образование и начав карьеру в Европе, Гольдман в межвоенный период активно участвовал в сионистском движении, занимался организацией помощи еврейским общинам и продвижением идеи национального самоопределения.

Белорусские местечки стали центрами не только белорусского, но и мирового музыкального искусства. Органист, известный европейский композитор, профессор музыки, награжденный орденом Серебряного Креста Заслуг с мечами Бронислав Рутковский (1889–1964) родился и начал свою творческую карьеру в небольшом местечке Камаи Свенцянского уезда Виленской губернии. С раннего детства проявил склонность к органной музыке, обучался на органе в костеле в местечке Кобыльники. С 1915 г. Б. Рутковский стал учащимся Санкт-Петербургской консерватории по классу органной музыки. В 1924 с отличием закончил Варшавскую консерваторию и стал стипендиатом программы для обучения во Франции, где обучался у известного органиста Луи Вьерна [8, с. 170]. Эмигрировав в 1930-е годы, Рудковский продолжил свою деятельность за рубежом, уделяя особое внимание вопросам образования и сохранения культурного наследия. Входил в состав жюри конкурса Польского музыкального издательства, международного конкурса органной музыки в Праге (1958 г.), молодых музыкантов в Зарембе (1958 г.), Международного конкурса Баха (1964 г.). В Париже создал общество молодых музыкантов. Его усилия были направлены на то, чтобы помочь соотечественникам сохранить связь с родиной и передать следующим поколениям знания о своих корнях.

Местечко Мотоль Гродненской губернии (позднее Полесское воеводство) известно тем, что в нем родился Ха́им Азриэ́ль Ве́йцман (1949–1952), израильский государственный, политический деятель и ученый-химик, первый президент государства Израиль (1948–1952) [9, с. 849]. Получив традиционное еврейское воспитание в местном хедере, Х.А. Вейцман поступил в реальное училище в Пинске. По окончании училища в 1892 году Х.А. Вейцман продолжил своё образование в Германии, Швейцарии и Англии. В межвоенный период он играл важную роль в формировании международного имиджа сионизма и в переговорах с ведущими державами. Его научная и политическая деятельность демонстрирует, как сочетание таланта, целеустремлённости и глубокого понимания общественных процессов может привести к смелым историческим достижениям.

Заключение

Судьбы Давида Эйнерхорна, Бен Циона Гольдберга, Эстер-Рохл Каминской, Нахума Гольдмана, Бронислава Рутковского и Хаима Вейцмана—это не просто отдельные истории успеха, а отражение сложного и многогранного опыта эмиграции из Западной Беларуси в первой половине XX века. Каждый из них по-своему преодолевал трудности адаптации, сохранял связь с родными корнями и вносил вклад в развитие культуры, науки и политики. Их биографии показывают, как из скромных местечек выходили люди, способные влиять на большие исторические процессы, и напоминают о важности сохранения памяти о тех, кто, покинув малую родину, продолжал служить её интересам и идеалам в самых разных уголках мира.

Список литературы:

1. Буча А.М. Академическая эмиграция белорусов из Западной Беларуси в Чехословакию в 1920-е годы // Journal of Frontier Studies. – 2026. – № 2. – С. 341–377.
2. Воложин [Электронный ресурс]. // Интерфакс-Запад. Информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: https://interfax.by/news/obshchestvo/sotszashchita/9772/ (дата обращения: 25.01.2007).
3. Корзун Э. Яўрэі мястэчка Гальшаны // Куфэрак Віленшчыны. – 2000. – № 2. – С. 61–63.

4. Кулажанка Л. Літаратурныя мясціны Карэліцкага раёна // Першыя і другія краязнаўчыя чытанні: да 600 годдзя Карэліч і Міра. – 1995. – С. 18–21.
5. Коваль О.В. Белорусская экономическая эмиграция в Канаду в 1920–1930-е гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2022. – Т. 21. – № 3. – С. 417–431.
6. Палубинский А.С. Гісторыя яўрэяў Свіслаччыны // Старонкі гісторыі Свіслачскага краю: Матэрыялы навукова-практычнай краязнаўчай канферэнцыі / Пад рэд. І.П. Крэнь. – Гродна, 2001. – С. 215–217.
7. Пяткевіч А. Літаратурная Гродзеншчына: Публіцыстыка. – Мінск: Выд. Цэнтр “Бацькаўшчына”, 1996. – 96 с. Мінск: Выд. Цэнтр «Бацькаўшчына», 1996. – 96 с.
8. Татаринов Ю.А. Белорусская старина. – Мн.: РУП «Минсктиппроект», 2002. – 208 с.
9. Encyclopedia of Jewish Life Before and After the Holocaust / Compilers: S. Spector [and others]. – Vol. 1 A-J. – New York: New York University Press. – 1973.
10. Janowska H. Emigracja z Polski w latach 1918–1939 // Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszuch (XVIII–XX w.). – Warszawa, 1984. – S. 311–364.

References:

1. Bucha A.M. [Academic emigration of Belarusians from Western Belarus to Czechoslovakia in the 1920s] // Journal of Frontier Studies. – 2026. – № 2. – C. 341–377. (In Russian).
2. Volozhin [Elektronnyj resurs]. // Interfaks-Zapad. [Information Agency] [Elektronnyj resurs]. URL: https://interfax.by/news/obshchestvo/sotszashchita/9772/ (data obrashcheniya: 25.01.2007) (In Russian).
3. Korzun E. [Jews of the Halshany Shtetl] // Kuferak Vilenshchyny. – 2000. – № 2. – S. 61–63 (In Russian).
4. Kulazhanka L. [Literary Places of Kareličy District] // Pershyya i drugiya krayaznaўchyya chytanni: da 600 goddzya Karelich i Mira. – 1995. – S. 18–21 (In Russian).
5. Koval' O.V. [Belarusian economic emigration to Canada in the 1920s–1930s)] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii. – 2022. – T. 21. – № 3. – S. 417–431. (In Russian).
6. Palubinskij A.S. [Palubinskii A.S. History of the Jews of Svislochchyna] // Staronki gistoryi Svislachskaga krayu: Materyyaly navukova-praktychnaj krayaznaўchaj kanferentsyi / Pad red.I.P. Kren'. – Grodna, 2001. – S. 215–217 (In Russian).
7. Pyatkevich A. [Petkevich A. Literary Grodno Region: Publicistics] . – Minsk: Vyd. Tsentr “Bats'kaўshchyna”, 1996. – 96 s. Minsk: Vyd. Tsentr «Bats'kaўshchyna», 1996. – 96 s (In Russian).
8. Tatarinov Yu.A. [Belarusian Antiquity] . – Mn.: RUP «Minsktipproekt», 2002. – 208 s (In Russian).
9. Encyclopedia of Jewish Life Before and After the Holocaust / Compilers: S. Spector [and others]. – Vol. 1 A-J. – New York: New York University Press. – 1973.
10. Yanovskaya G. [Emigration from Poland in 1918–1939] // Emigraciya iz pol'skih zemel' v sovremennuyu epohu (XVIII–XX veka). – Varszawa, 1984. – S. 311–364.

ФИЛОСОФИЯ

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА

Статья поступила в редакцию: 02.07.2026

Статья принята к публикации: 05.07.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК: 7.01:159.9

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ СТОЛЯРОВОЙ И ЕЛЕНЫ ЛЕДЕР: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА

Жданова Юлия Викторовна

писатель, магистр педагогического образования и
автор трансформационных практик,
Chicago Institute of Hypnosis and Coaching,
AnantaFlow LLC,
США, г. Чикаго
E-mail: info-prnn@mail.ru

ECOLOGICAL AND HUMANISTIC AESTHETICS IN THE WORKS OF EKATERINA STOLYAROVA AND ELENA LEDER: THE EMOTIONAL AND PSYCHOLOGICAL IMPACT OF THE ARTISTIC IMAGE

Zhdanova Iuliia Viktorovna

Writer,
Master of Education (M.Ed.), and
Author of transformational practices
Chicago Institute of Hypnosis and Coaching, AnantaFlow LLC,
USA, Chicago

Аннотация

В статье рассматривается экологическая и гуманистическая эстетика в творчестве Екатерины Столяровой и Елены Ледер в аспекте эмоционально-психологического воздействия художественного образа на зрителя. Актуальность исследования связана с возрастанием интереса к искусству как форме бережного взаимодействия человека с природой, живым существом и собственным внутренним состоянием. Цель работы заключается в выявлении художественных способов выражения заботы, защищённости, природной сопричастности и эмоциональной поддержки в произведениях двух художниц. Методологическую основу составили искусствоведческий анализ, сравнительное сопоставление произведений и пилотажный опрос

Библиографическое описание: Жданова Ю.В. ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ЭСТЕТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ЕКАТЕРИНЫ СТОЛЯРОВОЙ И ЕЛЕНЫ ЛЕДЕР: ЭМОЦИОНАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/23143*

зрителей по репродукциям работ. В центре анализа находятся цвет, фактура, композиция, степень предметности, символические образы и характер зрительского отклика. Установлено, что природная абстракция Е. Столяровой, основанная на открытой форме, фактурной поверхности, цветовой глубине и натуральных пигментах, формирует проективно-ассоциативный тип восприятия. Произведения Е. Ледер, обращённые к образам детства, семьи, животных и ангельской защиты, вызывают преимущественно эмпатически-символический отклик. Сделан вывод о том, что различие художественного языка не отменяет общей ценностной направленности обеих авторских систем: они связаны с бережностью, внутренним равновесием, эмоциональной поддержкой и восстановлением связи человека с живым миром.

Abstract

The article examines ecological and humanistic aesthetics in the works of Ekaterina Stolyarova and Elena Leder in terms of the emotional and psychological impact of the artistic image on the viewer. The relevance of the study is connected with the growing interest in art as a form of careful interaction between the human being, nature, living creatures, and inner emotional experience. The aim of the article is to identify the artistic means through which care, protection, natural belonging, and emotional support are expressed in the works of the two artists. The methodological basis of the research includes art historical analysis, comparative analysis of artworks, and a pilot survey of viewers based on reproductions. The analysis focuses on colour, texture, composition, degree of figurativeness, symbolic imagery, and the character of the viewer's response. It is established that E. Stolyarova's natural abstraction, based on open form, textured surface, colour depth, and the use of natural pigments, forms a projective-associative type of perception.E. Leder's works, which address images of childhood, family, animals, and angelic protection, predominantly evoke an empathic-symbolic response. The article concludes that the difference in artistic language does not cancel the shared value orientation of both authorial systems: they are connected with care, inner balance, emotional support, and the restoration of the human connection with the living world.

Ключевые слова: экологическая эстетика, гуманистическая эстетика, художественный образ, эмоционально-психологическое воздействие, зрительское восприятие, Екатерина Столярова, Елена Ледер, природная абстракция, эмпатия, внутренняя экология личности.

Keywords: ecological aesthetics, humanistic aesthetics, artistic image, emotional and psychological impact, viewer perception, Ekaterina Stolyarova, Elena Leder, natural abstraction, empathy, inner ecology of personality.

Введение

Нарастающее экологическое и психологическое напряжение меняет роль искусства в современной культуре, ослабление гармоничной связи человека с окружающей средой сопровождается ростом тревожности, эмоциональной усталостью, снижением способности к созерцанию и сопереживанию. Художественный образ всё чаще обращается не только к эстетическому восприятию, но и к внутреннему опыту зрителя, его памяти, эмоциональной чувствительности, потребности в безопасности и бережном взаимодействии с живой природой.

Актуальность исследования определяется необходимостью рассмотреть природную и гуманистическую эстетику как взаимосвязанные линии визуального искусства. В творчестве

Екатерины Столяровой обращение к живой среде раскрывается через абстрактную форму, цветовые отношения, фактуру, органические ассоциации, силуэты деревьев, мотивы земли, травы, камня, нетоксичные материалы. В живописи Елены Ледер гуманистическое содержание несут образы детей, животных, ангелов, заботы, защиты, духовной поддержки и усиление благодаря цветовому решению. Сопоставление художественных систем выводит исследование к проблеме зрительского восприятия, где значимы не только сюжет и материал, но и эмоциональный отклик на цвет, форму, символ и образную среду произведения.

Объект исследования – визуальное искусство в контексте природной и гуманистической эстетики.

Предмет исследования – эмоционально-психологическое воздействие произведений Е. Столяровой и Е. Ледер на зрителя.

Цель работы – выявить художественные способы формирования бережного отношения к природе, человеку и живому существу в творчестве двух художниц и определить особенности восприятия их произведений на основе пилотажного опроса.

Задачи исследования включают анализ понятий природной эстетики, гуманистической направленности искусства и внутренней экологии личности. Отдельно рассматривается художественный язык Екатерины Столяровой, связанный с природной абстракцией, фактурой, цветом и использованием экологичных материалов. Творчество Елены Ледер анализируется через образы детства, животных, ангелов, мотив заботы и цветовую организацию композиции. В задачи входит сопоставление эмоциональных реакций зрителей на репродукции работ двух авторов, выявление проективно-ассоциативного и эмпатически-символического механизмов воздействия.

Методологически исследование опирается на искусствоведческий анализ, сравнительное сопоставление произведений и пилотажный опрос зрителей, позволяющий выявить особенности эмоционально-психологического восприятия работ Е. Столяровой и Е. Ледер.

Гипотеза исследования состоит в том, что произведения Е. Столяровой и Е. Ледер при различии художественного языка вызывают близкий гуманистический отклик, связанный с переживанием бережности, внутреннего равновесия и связи с живым миром.

Научная новизна заключается в расширении понятия природной эстетики за пределы внешней среды и материала, в центре анализа находится внутренняя экология личности, зрительский опрос помогает раскрыть разные механизмы эмоционально-психологического воздействия художественного образа.

Теоретические основания

Представление о природной среде как внешнем фоне для художественного образа оказывается слишком узким для темы бережности, поскольку контакт с живым миром затрагивает внимание, телесную память, эмоциональную устойчивость и способность человека к внутренней собранности. Концепция биофилии E.O. Wilson объясняет притяжение к органическим формам и живым структурам [13], исследования R. Kaplan и S. Kaplan связывают пребывание в природном окружении с восстановлением психических ресурсов [12], работы В.И. Панова раскрывают среду как пространство взаимодействия, влияющее на восприятие и развитие личности [5; 6]. Искусство переносит внимание с природы как темы изображения на способ

художественного действия, где материал, ритм, цвет, фактура и степень предметности задают более мягкий режим зрительского восприятия.

Гуманистическая эстетика не отделяется от средовой проблематики, бережное отношение к природе теряет полноту без внимания к человеку, памяти, уязвимости, эмоциональной реакции. J. Dewey рассматривает искусство как опыт встречи с миром [2], Л.С. Выготский показывает работу художественной формы с переживанием [1], С.Л. Рубинштейн и А.Н. Леонтьев подчёркивают активность субъекта, соотносящего воспринимаемый образ с личным смыслом и внутренней историей [4; 7]. В исследовании принцип бережного отношения понимается как особая художественная интонация, произведение не навязывает зрителю готовую идею, а вовлекает в внимательное созерцание, запускает ассоциации, сохраняет эмоциональную сложность без агрессивного визуального воздействия.

Психология восприятия добавляет к искусствоведческому анализу вопрос, как визуальная форма входит во внутренний опыт зрителя. S. Zeki, A. Chatterjee и O. Vartanian связывают восприятие цвета, формы, композиции и символа с вниманием, оценкой, эмоциональной реакцией [10; 11; 14], А.И. Копытин и В.Г. Рындина рассматривают художественную практику через символизацию внутреннего опыта, самовыражение и эмоциональную регуляцию [3; 8]. Сегодня обзоры по арт-терапии и восприятию искусства поддерживают постановку вопроса о благотворном потенциале созерцания, не превращая живопись в прямой лечебный инструмент [15; 16; 17].

Методология исследования

Исследование опирается на искусствоведческий анализ, сравнительное рассмотрение произведений и пилотажный опрос зрителей. В работах Е. Столяровой внимание сосредоточено на цветовой среде, фактуре, размытости формы, степени предметности, природных ассоциациях внутри живописного пространства. Произведения Е. Ледер рассматриваются через фигуративную композицию, образы ребёнка, семьи, животного, ангела, мотивы заботы, защиты, эмоциональной близости. Сопоставление двух авторских систем разрешает выявить разные способы воздействия художественного образа.

Пилотажный онлайн-опрос использован как дополнительный материал к искусствоведческому анализу. Респондентам предложены репродукции произведений двух художниц без авторских пояснений; после просмотра они описывали первые ассоциации, чувства, состояния, возникающие от цвета, формы, фактуры, сюжета, символики. Ответы не переводились в жёсткую количественную шкалу, а группировались по повторяющимся смысловым признакам. Обозначены основные линии восприятия природные ассоциации, покой, созерцательность, защищённость, забота, личная память, духовная поддержка, тревога, меланхолия.

Результаты исследования

Анализ репродукций позволил выделить две самостоятельные художественные стратегии, сходящиеся в общей установке на бережное отношение к живому, но раскрывающие её разными пластическими средствами. Живопись Е. Столяровой обращается к природной среде не через прямой пейзажный мотив, а через особенности живописной техники, цветовую глубину, фактурную неоднородность, размытые границы формы. Земля, трава, древесная кора, камень, влажный воздух, минеральный слой не изображаются буквально, а возникают как ассоциации внутри живописного пространства. В отдельных работах ассоциативную линию

поддерживают силуэты деревьев и ветвей, которые не превращают композицию в традиционный пейзаж, но усиливают связь с природной средой. Использование натуральных пигментов становится важной частью художественного высказывания, поскольку материал участвует в создании смысла наравне с цветом, пятном и ритмом [9].

Рисунок 1. Е. Столярова. «Тихое убежище». Холст, натуральный пигмент. 18 × 24 см. 2024

Рисунок 2. Е. Столярова. «Затенённое уединение». Холст, натуральный пигмент. 18 × 18 см. 2024

В композициях, представленных на рис. 1–2, природная тема раскрывается через цвет, фактуру и общее состояние живописной поверхности. Цветовые пятна не складываются в подробный предметный ряд, фактура не копирует природную поверхность, но вместе они создают ощущение тишины, глубины и внутреннего сосредоточения. Художник уходит от готового сюжета, оставляя зрителю пространство для личных ассоциаций, воспоминаний и телесного ощущения среды. Открытость формы создает проективно-ассоциативный механизм восприятия: смысл рождается не из однозначного изображения, а из связи увиденного с памятью, настроением и внутренним состоянием зрителя (рис. 3;4).

Рисунок 3. Е. Столярова. «Шепчущий лес». Холст, натуральный пигмент. 16 × 20 см. 2024

Рисунок 4. Е. Столярова. «Спокойные кроны». Холст, натуральный пигмент. 6 × 20 см. 2024

Рис. 3–4 развивают тему природной абстракции Столяровой, поверхность полотна сохраняет ощущение органического процесса, цвет словно проступает изнутри материи, а зрительное впечатление связывается с лесной глубиной, прохладным воздухом, рассеянным светом, влажной землёй, пространством между кронами. Художественный язык Столяровой строится на доверии к зрителю: смысл не задан заранее, а возникает в контакте формы, цветовой среды и внутреннего состояния воспринимающего человека.

Елена Ледер работает с другим типом живописного контакта, в её произведениях сюжет, фигура, близость персонажей, мотивы детства, дома, животных и ангельской защиты не просто обозначают гуманистическую тему, а ведут зрителя к сопереживанию через узнаваемую жизненную ситуацию. Сцена кажется ясной, почти доступной с первого взгляда, но за этой ясностью остаётся чувство хрупкости, доверия, потребности в защите и духовной близости. Фигуративность у Ледер не превращается в простую иллюстрацию, персонажи, жесты, цвет и пространство работают вместе, создавая мягкую эмоциональную среду.

Цвет у художницы не остаётся декоративной оболочкой, наполняет сцену воздухом, смягчает пространство, приближает символический образ к личному опыту зрителя. В «Доме моего дедушки» интерьер звучит как место памяти, родства, уязвимости, тихой семейной близости, домашнее пространство не просто обозначает быт, а хранит ощущение присутствия, семейной истории, внутреннего тепла. «Августовский вечер» переносит мотив в сельский пейзаж –животные, дом, дорога и тёплый свет расширяют бережность за пределы семейного пространства. Природная среда в работе воспринимается как живая и обжитая, в ней есть движение, воздух, забота, спокойное соседство человека и животного мира. Забота обращается к живому миру, к существу, нуждающемуся в мягком и внимательном отношении, зритель входит в произведение не через отвлечённую идею, а через жест, позу, взгляд, цветовую атмосферу и узнаваемое чувство близости (рис. 5;6).

Рисунок 5. Рис. 5. Е. Ледер. «Дом моего дедушки». Бумага, акварель. 45 × 65 см. 2024

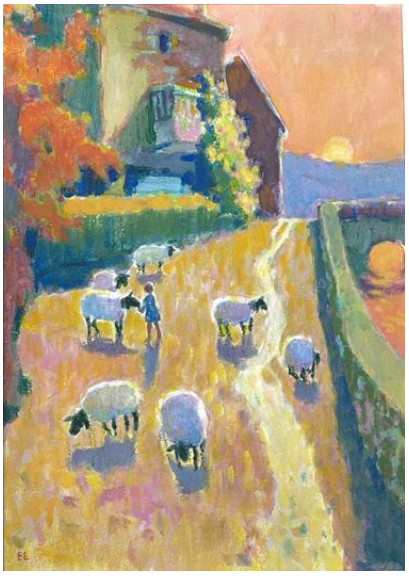

Рисунок 6. Е. Ледер. «Августовский вечер». Бумага, акварель, гуашь. 20 × 30 см. 2026

В работах с ангельскими образами Елена усиливает ту же линию, но переводит её в более символический регистр. Ангелы на рис. 7–8 не отделены от природы и человеческого пространства, цвета одежд перекликаются с небом, деревьями, землёй, а окружающая среда не выглядит внешним декором. Природное пространство соединяет фигуры в общий ритм сада, движения, света и живого мира. Ангел перестаёт быть отдалённым небесным знаком и воспринимается как присутствие заботы, защиты, света, поддержки рядом с человеком. Эмпатический отклик рождается не только из узнаваемой фигуры, но и из цветовой связи между природой, телесным миром и духовным смыслом (рис. 7;8).

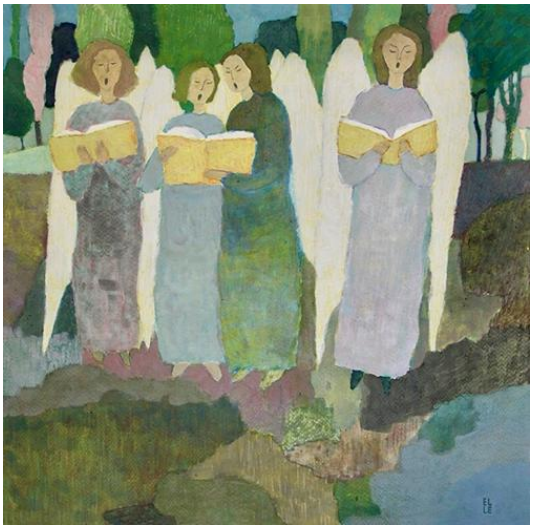

Рисунок 7. Е. Ледер. «Манификат». Бумага, акварель, гуашь. 37 × 37 см. 2025

Рисунок 8. Е. Ледер. «Ангелы в своём саду». Бумага, акварель, гуашь. 20 × 30 см. 2025

В отличие от природной абстракции Столяровой, где смысл рождается из личной проекции зрителя, у Ледер переживание направляет символ, но не сводит к одному значению, забота, нежность, надежда и защита каждый раз соотносятся с собственным жизненным опытом смотрящего. Образ ребёнка в творчестве Елены связан с уникальным человеческим опытом – памятью о детстве, семье, доме, раннем чувстве защищённости, потребности в заботе и принятии. Обращение к детскому и семейному миру создаёт эффект узнавания и эмоциональной сопричастности; личное переживание получает более широкое, общечеловеческое звучание.

Сопоставление двух авторских систем показывает не только различие между абстрактным и фигуративным художественным языком, но и разные способы организации зрительского опыта. Столярова раскрывает тему бережности цветом, фактурой, природными ассоциациями, медленным созерцанием живописной поверхности. Елена передаёт близкую ценностную интонацию цветом, символом, жестом поддержки и сценой, которую зритель эмоционально узнаёт. В живописи Екатерины восприятие движется от поверхности полотна к внутренней ассоциации; в произведениях Елены – от символа к эмоциональному узнаванию (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика художественных стратегий Екатерины Столяровой и Елены Ледер

Критерий сравнения	**Екатерина Столярова**	**Елена Ледер**
Пластический язык	Абстрактная живопись, цветовые поля, фактурная поверхность, размытая форма	Фигуративная композиция, цвет, персонаж, жест, символ, сюжет
Образный строй	Земля, трава, камень, дерево, лесная среда, минеральные и растительные ассоциации, туман	Дети, семья, животные, ангелы, забота, защита, духовная близость
Материальная основа	Натуральные пигменты, нетоксичные краски, холст, внимание к природному происхождению цвета [9]	Максимально не токсичные краски, холст. Цвета природного спектра.
Средовой смысл	Связь с внешней природной средой и органической материей	Внутренняя гуманистическая и духовная экология человека
Способ воздействия	Проективно-ассоциативный	Эмпатически-символический
Работа зрителя	Медленное всматривание, личная достройка, свободная ассоциация	Эмоциональное узнавание, сопереживание, символическое чтение
Ведущие реакции	Покой, тишина, глубина, медитативность, личные воспоминания	Нежность, доверие, любовь, защищённость, свет, сопричастность
Связь с бережным отношением	Бережность к природной материи, среде, материалу, внутреннему равновесию	Бережность к человеку, ребёнку, семье, живому существу, духовной опоре

После сопоставления художественных стратегий становится заметно, что Екатерина и Елена обращаются к разным мотивам, но сохраняют близкую интонацию отношения к уязвимому. В творчестве Столяровой идея бережности раскрывается в природной материальности, деликатности визуального воздействия и доверии к медленному созерцанию. Живопись Елены переводит установку в человеческое и духовное измерение, внимание сосредоточено на ребёнке, семье, живом существе, потребности в защите и эмоциональной опоре. Экологическая эстетика выходит за пределы природоохранного содержания и связывается со сферой внутренней чувствительности, эмпатии, памяти и поддержки.

Визуальный анализ дополнен опросом зрительского восприятия, в онлайн-формате двадцать четыре участника просмотрели восемь репродукций без авторских пояснений, названий и биографического комментария, порядок помог зафиксировать первую реакцию на композицию, цветовое решение, фактуру, персонажа, символ и эмоциональную атмосферу. После просмотра респонденты записывали чувства и ассоциации, отмечали ощущение покоя, тревоги, защищённости, заботы, связи с природой, семьёй, человеком, живым существом или духовной поддержкой. Свободные ответы группировались по повторяющимся смысловым признакам, без подмены живого описания заранее заданной шкалой.

В произведениях Столяровой формируется своеобразный природно-созерцательный словарь: в ответах респондентов появляются образы земли, леса, воздуха, почвы, камня, воды и света, рядом с ними – тишина, пространство, глубина, внутреннее движение, замедление, медитативное созерцание. Абстрактная форма не воспринимается как пустота; цветовая среда и открытость формы запускают личные ассоциации, обращают зрителя к памяти, ощущению уединения, дыхания, внутренней тишины. Отсутствие сюжета усиливает проективный характер восприятия: зритель не следует за готовой историей, а всматривается в поверхность, соотносит её с собственным состоянием, ищет в ней природный след, паузу, движение, покой. При обработке анкет учитывались не только прямые упоминания «природа», «земля», «лес», но и близкие маркеры: воздух, почва, камень, вода, свет, укрытие, замедление, дыхание, внутренняя тишина.

Отклики на работы Ледер складываются иначе. В ответах чаще звучат нежность, любовь, семья, детство, забота, защита, свет, доброта, сопричастность, духовная опора. Фигуративная сцена сокращает расстояние между зрителем и изображённым состоянием, ребёнок возвращает к памяти о детстве или опыту родительской заботы, животное усиливает доверие к живому существу, ангел приносит чувство защиты и внутренней поддержки. Эмоциональный смысл считывается быстрее, поскольку символика любви и защиты сразу задаёт направление зрительского отклика (табл. 2).

Таблица 2. Смысловые категории зрительских реакций на произведения Екатерины Столяровой и Елены Ледер

Смысловая категория	Работы Екатерины Столяровой	Работы Елены Ледер
Природные ассоциации	Земля, лес, трава, камень, воздух, вода, органическая среда	Животное, живое существо, забота о мире
Покой и равновесие	Тишина, глубина, медленное созерцание, медитативность	Тепло, доверие, защищённость, мягкое успокоение

Смысловая категория	Работы Екатерины Столяровой	Работы Елены Ледер
Личная память	Свободные воспоминания без привязки к сюжету	Семья, детство, близкие отношения, опыт заботы
Ассоциативность	Индивидуальное прочтение, личная достройка смысла	Ассоциации направлены фигурой, символом, сценой
Нежность и забота	Общее ощущение мягкости и бережного контакта	Ребёнок, семья, животное, жест поддержки
Защищённость	Природное укрытие, пространство, внутренний покой	Ангел, спокойствие мира, близость, духовная опора
Свет и духовная поддержка	Созерцательность, глубина цвета, ощущение пространства	Ангельская символика, светлая фигура, мотив защиты
Тревога или меланхолия	Размытые границы, глубина тона, неопределённость формы	Сочувствие, хрупкость, желание защитить
Терапевтическое восприятие	Медитативность, восстановление внимания, внутреннее замедление	Эмоциональное утешение, принятие, поддержка через близость

Ответы респондентов показывают, что обе художественные системы обращены к бережному восприятию живого, хотя достигают этого разными образными средствами.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу в пределах выбранного корпуса произведений и малого опроса зрительского восприятия. Несмотря на различие художественных средств, Екатерина Столярова и Елена Ледер сходятся в ценностной направленности, обе обращаются к бережному отношению к живому, уязвимому, эмоционально значимому. У Екатерины природа переживается как среда внутреннего опыта. Зритель не сталкивается с прямым повествованием, а сам выстраивает ассоциации, связывает цвет, фактуру, ощущение поверхности с памятью, чувством единства с окружающим миром и вниманием к его хрупкости. В работах Елены эмоциональное взаимодействие рождается из узнаваемых и символических образов ребёнка, дома, животного, ангела, жеста поддержки. Различия не противопоставляют двух художниц, а показывают разные пути формирования бережного отношения к миру. В живописи Столяровой установка проходит через переживание связи человека с природой, через природную материальность, фактуру, органические ассоциации, цветовую глубину. В произведениях Ледер переносится в область человеческих отношений: дом, ребёнок, животное, ангел и жест поддержки собирают пространство эмоциональной защищённости. Бережность в прочтении не сводится к стилистическому признаку, работает как общая ценностная интонация, способная получать разные художественные воплощения от природно-ассоциативных до эмпатически-символических форм.

Восприятие соотносится с представлением об искусстве как внутренней работе переживания. Л.С. Выготский рассматривал художественную форму как способ переработки эмоции. Произведение не просто вызывает чувство, а меняет его внутреннюю структуру [1]. Живопись Столяровой – внутренняя работа зрителя, которая начинается с неопределённости абстрактной

поверхности. Цветовая среда, размытая форма, фактура и отсутствие прямого сюжета побуждают соотносить увиденное с личной памятью, телесным ощущением пространства, состоянием покоя или тревожной сосредоточенностью. Работы Ледер ведут к эмоциональному отклику быстрее, так как ребёнок, животное или ангел создают атмосферу заботы, доверия, утраты, защиты, но оставляют место для личного переживания. Обе художественные системы близки мысли J. Dewey об искусстве как опыте встречи человека с миром, а не только как внешнем созерцании формы [2].

Идеи С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева помогают раскрыть активную роль зрителя в двух типах восприятия [4; 7]. Труды Е. Столяровой требуют ассоциативной достройки. Зритель соотносит цвет, фактуру и открытую форму с личной памятью и внутренним состоянием. Творчество Е. Ледер вовлекает через узнаваемую эмоциональную ситуацию, которую зритель наполняет собственным опытом заботы, близости, защиты. Разницу между художницами нельзя свести к простой оппозиции «абстрактное – фигуративное» так как природная форма Екатерины включает ассоциативное мышление, а фигуративный символ Елены усиливает сопереживание и память о человеческой близости.

Положения экологической психологии В.И. Панова помогают рассматривать среду как пространство взаимодействия, меняющее зрительское восприятие [5; 6]. Пластическая система Столяровой, где природная тема проступает в материале, фактуре, органических ассоциациях и цветовой глубине благодаря натуральному пигменту: способ письма становится частью экологического смысла, поскольку материал участвует в создании художественного впечатления [9]. Художественный язык Ледер раскрывает среду через дом, ребёнка, животное, ангела, жест поддержки, пространство человеческих отношений и эмоциональной защищённости. Экологическая эстетика в статье понимается шире разговора о природе и природосберегающих материалах: она включает отношение к человеку, памяти, уязвимости, живому существу, внутреннему равновесию.

Материалы опроса согласуются с исследованиями нейроэстетики, связывающими восприятие цвета, формы, композиции и символа с вниманием, оценкой и эмоциональной реакцией [10; 11; 14]. Реакции на произведения Столяровой тяготеют к природно-созерцательному словарю: тишина, пространство, глубина, земля, медитативность, внутренняя пауза. Работы Ледер вызывают иной ряд слов: нежность, семья, забота, защита, свет, ангел, эмоциональная близость. Абстрактная природная форма требует более медленного и внимательного взгляда, фигуративная сцена быстрее включает эмоциональное узнавание, в обоих случаях произведение действует не прямым сообщением, а тем, как организует зрительское внимание.

Арт-терапевтическая перспектива А.И. Копытина и В.Г. Рындиной позволяет говорить о выявленном потенциале осторожно, без утверждения прямого лечебного действия живописи [3; 8]. Екатерина создаёт условия для созерцания, внутреннего замедления, мягкой саморефлексии цветом и фактурой. Ледер обращается к символизации заботы, защиты, близости, духовной поддержки. Современные обзоры по арт-терапии и влиянию просмотра искусства на психологическое благополучие подтверждают правомерность такой осторожной позиции, произведение может поддерживать эмоциональную регуляцию и субъективное чувство благополучия, но эффект зависит от зрителя, контекста показа, качества изображения и личного опыта восприятия [15; 16; 17].

Научный вклад исследования заключается в трактовке бережного отношения как общей эстетической установки, соединяющей природную, гуманистическую и психологическую линии анализа. Внутренняя экология личности раскрывается через чувствительность к живому, сопереживание, память, внимание к уязвимости и способность к мягкому контакту с миром.

Границы исследования связаны с пилотажным характером опроса и ограниченным числом респондентов. Полученные ответы позволяют увидеть основные направления зрительского восприятия, но не дают оснований для широких статистических обобщений. На эмоциональный отклик могли влиять личный опыт, возраст, память о детстве и семье, отношение к природе, животным и ангельской символике. Ещё одним ограничением становится сам корпус произведений: восемь работ дают возможность сопоставить две художественные стратегии, но не исчерпывают всего творчества Екатерины Столяровой и Елены Ледер. Выводы статьи следует понимать как результат первичного анализа, который может быть расширен за счёт большего числа произведений, более широкой группы зрителей и сопоставления свободных ответов с дополнительными методами изучения эмоционального восприятия.

Заключение

Исследование показало, что Екатерина и Елена раскрывают бережное отношение к природе, человеку и живому существу разными художественными средствами. Природная абстракция, фактура, открытая форма и натуральные пигменты у Столяровой создают проективно-ассоциативное восприятие; образы детства, семьи, животных и ангельской защиты в произведениях Ледер вызывают эмпатически-символический отклик.

Пилотажный опрос подтвердил различие механизмов воздействия, показав, что работы Столяровой чаще связываются с природой, тишиной, внутренним замедлением и медитативным созерцанием, тогда как произведения Ледер – с заботой, защищённостью, памятью о доме и духовной поддержкой. Общим основанием двух художественных систем становится внимание к хрупкости живого и потребности человека в бережном контакте с миром.

Список литературы:

1. Выготский Л.С. Психология искусства. – М.: Искусство, 1986. – 573 с.
2. Дьюи Дж. Искусство как опыт / пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2023. – 456 с.
3. Копытин А.И. Арт-терапия: теория и практика: учебное пособие для вузов. – 2-е изд., стер. – СПб.: Лань, 2023. – 244 с.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
5. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004. – 197 с.
6. Панов В.И. Экологическая психология: направления и тенденции [Электронный ресурс]. // Экопоэзис: экогуманитарные теория и практика. URL: http://ecopoiesis.ru (дата обращения: 22.05.2026).
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
8. Рындина В.Г. Арт-терапевтический подход: возможности использования искусства в психологической практике [Электронный ресурс]. // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/22091 (дата обращения: 02.06.2026).

9. Столярова Е.А. Методы консервации и реставрации произведений искусства, созданных с использованием экологичных красок: исследование устойчивости и сохранения натуральных пигментов [Электронный ресурс]. // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-konservatsii-i-restavratsii-proizvedeniy-iskusstva-sozdannyh-s-ispolzovaniem-ekologichnyh-krasok-issledovanie-ustoychivosti (дата обращения: 24.05.2026).
10. Chatterjee A. The Aesthetic Brain: How We Evolved to Desire Beauty and Enjoy Art. – New York: Oxford University Press, 2014. – 217 P.
11. Chatterjee A., Vartanian O. Neuroaesthetics // Trends in Cognitive Sciences. – 2014. – № 7. – P. 370–375. – DOI: 10.1016/j.tics.2014.03.003.
12. Joschko R., Klatte C., Grabowska W.A. [et al.]. Active Visual Art Therapy and Health Outcomes: A Systematic Review and Meta-Analysis // JAMA Network Open. – 2024. – № 5. – DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2024.1234.
13. Kaplan R., Kaplan S. The Experience of Nature: A Psychological Perspective. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. – 360 P.
14. Shukla A., Choudhari S.G., Gaidhane A.M., Syed Z.Q. Role of Art Therapy in the Promotion of Mental Health: A Critical Review // Cureus. – 2022. – № 8. – DOI: 10.7759/cureus.28026.
15. Trupp M.K.D. [et al.]. The Impact of Viewing Art on Well-being: A Systematic Review [Электронный ресурс]. // The Journal of Positive Psychology. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/(дата. (дата обращения 07.07.2026)
16. Wilson E.O. Biophilia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. – 157 P.
17. Zeki S. Inner Vision: An Exploration of Art and the Brain. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. – 224 P.

References:

1. [Psychology of Art]. – M.: Iskusstvo, 1986. – 573 s (In Russ.)
2. [Art as Experience]. s angl. – M.: Ad Marginem Press, 2023. – 456 s (In Russ.)
3. [Art Therapy: Theory and Practice: A Textbook for Universities]. – 2-e izd., ster. – SPb.: Lan', 2023. – 244 s (In Russ.)
4. [Activity. Consciousness. Personality]. – M.: Politizdat, 1975. – 304 s (In Russ.)
5. [Ecological Psychology: Experience in Building Methodology]. – M.: Nauka, 2004. – 197 s (In Russ.)
6. [Ecological Psychology: Directions and Trends] // Ekopoezis: ekogumanitarnye teoriya i praktika. URL: http://ecopoiesis.ru (accessed 07.07.2026) (data obrashcheniya: 22.05.2026) (In Russ.)
7. [Fundamentals of General Psychology]. – SPb.: Piter, 2002. – 720 s (In Russ.)
8. [Art-Therapeutic Approach: Possibilities for Using Art in Psychological Practice] // Universum: filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn. URL: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/22091 (accessed 07.07.2026) (data obrashcheniya: 02.06.2026) (In Russ.)
9. [Methods of Conservation and Restoration of Works of Art Created Using Eco-Friendly Paints: Research on the Stability and Preservation of Natural Pigments] // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metody-konservatsii-i-restavratsii-proizvedeniy-iskusstva-sozdannyh-s-ispolzovaniem-ekologichnyh-krasok-issledovanie-ustoychivosti (accessed 07.07.2026) (data obrashcheniya: 24.05.2026) (In Russ.)
10. Chatterjee A. The Aesthetic Brain: How We Evolved to Desire Beauty and Enjoy Art. – New York: Oxford University Press, 2014. – 217 P.

11. Chatterjee A., Vartanian O. Neuroaesthetics // Trends in Cognitive Sciences. – 2014. – № 7. – P. 370–375. – DOI: 10.1016/j.tics.2014.03.003.
12. Joschko R., Klatte C., Grabowska W.A. [et al.]. Active Visual Art Therapy and Health Outcomes: A Systematic Review and Meta-Analysis // JAMA Network Open. – 2024. – № 5. – DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2024.1234.
13. Kaplan R., Kaplan S. The Experience of Nature: A Psychological Perspective. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. – 360 P.
14. Shukla A., Choudhari S.G., Gaidhane A.M., Syed Z.Q. Role of Art Therapy in the Promotion of Mental Health: A Critical Review // Cureus. – 2022. – № 8. – DOI: 10.7759/cureus.28026.
15. Trupp M.K.D. [et al.]. The Impact of Viewing Art on Well-being: A Systematic Review // The Journal of Positive Psychology. URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/(дата. (accessed 07.07.2026) (дата обращения 07.07.2026)
16. Wilson E.O. Biophilia. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. – 157 P.
17. Zeki S. Inner Vision: An Exploration of Art and the Brain. – Oxford; New York: Oxford University Press, 1999. – 224 P.

ПОЛИТОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Статья поступила в редакцию: 08.06.2026

Статья принята к публикации: 12.06.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК: 323.21

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.134.7.23089

ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА

Адилходжаева Сурайё Махкамовна
д-р юрид. наук, проф.
Университета мировой экономики и дипломатии,
Узбекистан, г. Ташкент
E-mail: a.surayyo.law@mail.ru

ACTIVE LONGEVITY POLICY: THE EXPERIENCE OF UZBEKISTAN

Adilkhodzhaeva Surayyo Makhkamovna
Doctor of Law, Professor
at the University of World Economy and Diplomacy,
Uzbekistan, Tashkent

Аннотация

Статья посвящена политике активного долголетия, проводимой в Узбекистане, население которого приближается к количеству 40 миллионов человек. За последние годы в стране заметно на 8,7 лет увеличилась продолжительность жизни. Это возлагает на государство ответственность эффективно использовать подобную положительную тенденцию, проводя политику активного долголетия. При этом автор данной научной работы полагает, что активное долголетие содержит в себе гармоничное сочетание соматического здоровья, а также социальных, экономических, психологических факторов, которые могут удовлетворить потребности представителя старшего поколения в материальных и духовных благах, вовлечь в активные социальные отношения и стимулировать на дальнейшую жизнь. В статье анализируется реформирование системы здравоохранения Узбекистана, которое способствует увеличению как продолжительности жизни, так и активного долголетия. Автор рассматривает также кадровый потенциал, институциональное развитие специализированных медицинских учреждений, цифровизацию здравоохранения как основные факторы, способствующие активному долголетию. В заключении сформулирован ряд предложений по совершенствованию политики активного долголетия в Узбекистане.

Библиографическое описание: Адилходжаева С.М. ПОЛИТИКА АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/23089*

Abstract

This article examines the active ageing policy pursued in Uzbekistan, whose population is approaching 40 million. In recent years, life expectancy has increased significantly by 8.7 years. This places a responsibility on the state to effectively leverage this positive trend by pursuing an active ageing policy. The author believes that active ageing encompasses a harmonious combination of physical health, social, economic, and psychological factors that can satisfy the needs of older adults for material and spiritual benefits, engage them in active social relationships, and motivate them to live a healthy life. The article analyzes reforms to Uzbekistan's healthcare system, which contribute to an increase in both life expectancy and active ageing. The author also examines human resources, the institutional development of specialized medical institutions, and the digitalization of healthcare as key factors contributing to active ageing. The article concludes with a number of proposals for improving the active ageing policy in Uzbekistan.

Ключевые слова: здравоохранение, государство, население, политика, активное долголетие, ожидаемая продолжительность жизни, старшее поколение, геронтология

Keywords: healthcare, state, population, politics, active longevity, life expectancy, older generation, gerontology

---

Введение

Старение населения является общемировой тенденцией и если в 1990 г. на Земле насчитывалось 0,5 млрд. пожилого населения, то в 2017 г. — уже 1 млрд., а по прогнозам в 2050 г. будет 2.1 млрд. человек, а в 2100 г. — 3,1 млрд. человек пожилого населения. С учетом этих изменений в демографии государствам необходимо предпринять все усилия, чтобы населению в возрастных группах после 55—60 лет обеспечить максимально комфортную жизнь с их вовлечением в социум, т.е. создать все условия для их активного долголетия. Только при таком подходе можно будет говорить об эффективной демографической политике государств. Этим вопросам значительное внимание уделяют ООН и другие международное организации. Одним из значимых явлений экономического и социального благополучия государства, связанных с активным долголетием, является ожидаемая продолжительность жизни населения и его динамка, т.е. рост этого показателя. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) представляет собой важный маркер здоровья населения и уровня развития страны, принятым международным социальным индикатором. ОПЖ как интегральный показатель общественного здоровья, отражает не только эффективность системы здравоохранения, но и влияние факторов, связанных с экономикой, образованием и социальной структурой. Население Узбекистана приближается к 40 миллионам человек [5].

Материалы и методы

Активное долголетие является объектом исследований медицины, права, экономики, социологии, психологии, что доказывает, что данная проблема лежит в плоскости междисциплинарных исследований. Методологической основой послужили стратегические задачи, поставленные Президентом Узбекистана в сфере активного долголетия, указы и постановления в

сфере активного долголетия. Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев отметил, что продолжительность жизни в Узбекистане составляет 73 года, у женщин — 77,5 года [4].

Материалами для настоящего исследования послужили отчеты Комитета по статистике Республики Узбекистан, международные и национальные акты, направленные на поддержание активного долголетия. В качестве основных **методов** исследования были использованы сравнительный анализ, системный, институциональный, ситуационный анализ, контент-анализ, междисциплинарный подход, логический метод.

Результаты и обсуждение

Ожидаемая продолжительность жизни в стране за последние десятилетия значительно возросла. Если в 1991 году она составляла 69 лет (мужчины — 65,8 лет, женщины — 72,2 года), то на начало 2023 года поднялась до 74,3 лет (мужчины – 72,1; женщины – 76,6 лет). Средняя продолжительность жизни населения Узбекистана за последние 34 года выросла почти на девять лет. Национальный статистический комитет представил динамику средней продолжительности жизни постоянного населения Узбекистана за 34 года: в 1991 году она составляла 66,4 года; в 1995 году – 69,1 лет; в 2000 году – 70,8 лет; в 2005 году – 71,8 года; в 2010 году – 73 года; в 2015 году – 73,6 года; в 2020 году – 73,4 года; в 2024 году – 75,1 лет. Таким образом, за этот период показатель вырос на 8,7 лет. Ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) *является* важным маркером здоровья населения и уровня развития страны. ОПЖ, как интегральный показатель общественного здоровья, отражает не только эффективность системы здравоохранения, но и влияние факторов, связанных с экономикой, образованием и социальной структурой.

Рисунок 1. Динамика роста продолжительности жизни в Узбекистане

Следует отметить, что Узбекистан — страна, в которой преобладает численность молодого населения. Средний возраст по состоянию на январь 2025 года составил всего 29,3 лет.

В целом ОПЖ является положительным фактором для экономики и может зависеть от различных аспектов. По расчетам ученых, здоровье и долголетие современного человека на 10 % зависит от здравоохранения, на 20 % — от генетики, на 20 % — от экологии и состояния окружающей среды, на 60 % — от образа и стиля жизни. Специалисты отмечают, что стабильное увеличение рассматриваемого автором показателя говорит о положительных тенденциях в социальной и экономической сферах страны. Узбекистан входит в число стран Центральной Азии, где средняя продолжительность жизни за последние десятилетия увеличилась наиболее заметно, что делает страну примером успешного развития в регионе. Однако для дальнейшего роста продолжительности жизни важно продолжать работу над доступностью качественной медицины и улучшением условий труда и отдыха [8].Однако, продолжительность жизни и активное долголетие не одно и то же. Понятие активного долголетия, впервые сформулированное в 2002 году в «Рамочной стратегии активного долголетия Всемирной организации здравоохранения» [9], описывает «процесс оптимизации возможностей для обеспечения здоровья, участия в жизни общества и защищенности человека с целью улучшения качества его жизни в ходе старения» [9]. Основные принципы активного долголетия были включены в итоговый документ второй Всемирной ассамблеи по проблемам старения — Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года [2].

Основное направление в системе здравоохранения Республики Узбекистан — это профилактика различных заболеваний на территории государства, особое внимание уделяется совершенствованию деятельности амбулаторно-поликлинических учреждений, расширению в них возможностей определения болезней, экономически выгодных новых форм оказания медицинской помощи, в частности семейных поликлиник, дневных больниц, нестационарных хирургических центров, специализированных комплексов лечения в амбулаториях, а также диспансеризации населения. В целях совершенствования лечебно-профилактической службы расширились отрасли санаториев и профилакториев. Проводимые реформы в области здравоохранения способствуют дальнейшему укреплению материально-технической базы сельских поликлиник и больниц и созданию рынка медицинских учреждений. С целью осуществления качественных преобразований только за последние годы в сфере было принято более 50 указов, постановлений и распоряжений Президента страны, свыше 70 постановлений и распоряжений Кабинета Министров. Организованы 6 новых специализированных научно-практических медицинских центров, общее число которых достигло 16. Специализированные медицинские центры являются эффективными, т.к. они специализируются по определенным сферам медицины, там ведутся научные исследования и собраны положительные результаты, совершенствуют свои знания на практике профессионалы. Представляем некоторые медицинские центры Узбекистана, делающие вклад в активное долголетие населения: Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр хирургии имени академика В. Вахидова, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр кардиологии, Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр микрохирургии глаза, Республиканский специализированный научно-практический медицинский центр онкологии и медицинской радиологи и др. [11]. Несомненно, эти центры делают свой вклад в оздоровление нации и увеличение активного его долголетия, однако специализированного медицинского центра по геронтологии и активного долголетия пока нет в Узбекистане.

В результате актуальных научных исследований по более чем двадцати направлениям медицины разработано свыше 1000 лечебно-диагностических стандартов [3]. В частности, Указом Президента «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранения Республики Узбекистан» от 7 декабря 2018 года была утверждена Концепция развития системы здравоохранения Республики Узбекистан на 2019–2025 годы. В соответствии с Концепцией предусматривалось создание современной модели долговременной медицинской помощи гражданам пожилого и старческого возраста, повышение качества и доступности геронтологической помощи, предусматривающей социальное и медицинское обслуживание на дому и ряд других мер [12]. На сегодняшний день в стране достигнуты национальные цели и задачи в области устойчивого развития, обеспечения всеобщего охвата услугами здравоохранения, повышения доступности квалифицированной, специализированной и высокотехнологичной медицинской помощи, в процессе осуществляемых преобразований большое внимание уделяется изучению передового международного опыта, достижений современной медицины, а также международному сотрудничеству в данной сфере. В рамках международного сотрудничества Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА) содействует целям в области активного долголетия. В своем выступлении Постоянный Представитель ЮНФПА в Узбекистане доктор Нигина Абасзада подчеркнула: «ЮНФПА стремится обеспечить, чтобы каждый пожилой человек в Узбекистане имел возможность жить достойно, с уважением и возможностями для активного участия в обществе. Наше сотрудничество с правительством и общественными организациями направлено на улучшение условий жизни пожилых людей и создание политики, способствующей их активному долголетию» [7]. Вопрос почитания пожилых людей и оказания им должного уважения считается приоритетом государственной политики Узбекистана. Реформы, проведенные в последние годы, во многом способствуют улучшению материально-бытовых условий представителей старшего поколения, повышению их влияния в обществе. Обеспечение социальной справедливости, использование огромного опыта наших просвещенных отцов и матерей, воспитание молодого поколения, поддержание стабильности духовной среды имеет большое значение [7].

Таким образом, активное долголетие — это гармоничное сочетание соматического здоровья, а также социальных, экономических, психологических факторов, которое может удовлетворить потребности представителя старшего поколения в материальных и духовных благах, вовлечь в активные социальные отношения и стимулировать на дальнейшую жизнь. Именно труд дает право для самореализации и продолжает вовлеченность в общественную жизнь.

В настоящее время спектр медицинских услуг расширяется, чему способствуют применение Искусственного интеллекта (ИИ). В здравоохранении ИИ развивается в первую очередь в области диагностики заболеваний. В настоящее время в отрасли здравоохранения работает более 90 стартапов, основанных на применении ИИ [13]. В сфере цифровизации отрасли ведётся практическая работа. В частности, на портале My.gov.uz доступны пока 25 видов цифровых услуг. В текущем году открыт «Ситуационный центр» электронной платформы Министерства здравоохранения. Разработаны электронная система DMED и мобильное приложение для граждан, национальные клинические протоколы внедрены в практику через электронную систему, запущены электронные направления, электронная очередь и электронный рецепт [10].

Эффективность здравоохранения — один из важных показателей социального государства. Понятия эффективности медицины менялись. В указанный период перед экспертами ВОЗ встал вопрос о других критериях оценки эффективности функционирования систем здравоохранения. Сегодня выделяют три показателя оценки эффективности, по которым выносят решения и сравнивают работу систем здравоохранения в различных странах-членах ВОЗ. Важнейший из них, определяющий 50 % оценки, — это показатель ожидаемой продолжительности жизни населения в конкретной стране. Второе и третье места делят маркеры равноправного финансирования и отзывчивости системы здравоохранения (удовлетворенности населения оказываемой медицинской помощью) [9].

Среди регионов наиболее высокий показатель в Джизакском регионе, с показателем 75,7 лет, а самый низкий в Сырдарьинском регионе — 70,6.

Индикаторы кадрового потенциала, несомненно, являются не менее важными в развитии системы здравоохранения. Примечательно, в Узбекистане на одного врача приходится около 400 человек, что по числу врачей — на 10 тыс. населения. Узбекистан (2,70 на 10 000 чел.) находится на одном уровне с такими развитыми странами как США (2,57), Великобритания (2,81), Япония (2,37) и др.[6]. В то же время, учитывая, что расходы на здравоохранение (в % к ВВП) в Узбекистане в 2–3 раза меньше, чем в других странах, такое соотношение говорит о существенном недофинансировании врачей и медсестер Узбекистана. В результате, несмотря на постоянный рост выпускников медицинских вузов, численность работающих врачей продолжает снижаться. Другая проблема — дефицит узких специалистов, особенно на районном уровне, сложившийся из-за выпуска медвузами врачей общей практики (ВОП) и недостаточного выпуска магистров [6]. ВОЗ определены восемь критериев оценки отзывчивости системы здравоохранения. Семь из них — «достоинство», «конфиденциальность», «выбор поставщика», «коммуникабельность врача», «надлежащие условия», «оперативность», «автономность», — применимые как для амбулаторного, так и стационарного лечения. Восьмой критерий — «доступ к социальной поддержке», предложен только для стационарного лечения. В дальнейшем были предложены еще два критерия отзывчивости: уважение человека и ориентация на клиента [14].

В Узбекистане 2017–2024 годах число больниц увеличилось на 837 единиц, или на 74 % по сравнению с 2017 годом, и в 2024 году составило 1 972; количество коек возросло с 135,7 тыс. в 2017 году до 179,9 тыс., то есть на 32,3 %.

Более 2 тыс. специалистов прошли повторное обучение за рубежом. В результате, доля высокотехнологичных операций в регионах достигла 61 %. По 43 направлениям обновлены 191 клинический протокол на основе международных стандартов [1]. По данным Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан, количество больничных мест в Узбекистане более 166,9 тыс. коек, количество больничных учреждений 1400, количество амбулаторно-поликлинических учреждений более 7100 [1].

Заключение

Таким образом, проблема активного долголетия является глобальной проблемой и в то же время решать ее каждое государство должно на национальном уровне. По прогнозам ООН, к 2035 году демографическая нагрузка людей пожилого возраста на трудоспособное население в Узбекистане составит 12,5 чел., при этом общемировой показатель достигнет 20,2 чел. Как

видно, даже в ожидаемых прогнозах коэффициент демографической нагрузки пожилыми людьми в Узбекистане будет ниже среднемировых показателей. По этой причине в будущем Узбекистан имеет хороший потенциал для обеспечения мирового рынка труда квалифицированными кадрами, что в свою очередь способствует снижению безработицы в стране, а также улучшению уровня жизни населения. Ученые считают, что уже сегодня человек может прожить 120 лет, если исключить все факторы, препятствующие этому. В Узбекистане уже много было сделано для оздоровления, сохранения генофонда, повышения качества медицинских услуг, увеличения продолжительности жизни. Однако индекс активного долголетия в Узбекистане составляет 34,9 балла из 100, что указывает на необходимость улучшения здоровья и социальной поддержки для пожилых людей. Поэтому абсолютно очевидно, что много еще предстоит сделать. Так, например, пропагандировать здоровый образ жизни, физические упражнения, пешие прогулки, здоровое питание среди населения 60+. Следует организовать кружки, клубы, обучения, спортивные секции для тех, кто на пенсии не работает. Необходимо поставить на цифровую систему профилактические осмотры дважды в год, обеспечивать поливитаминами и кальций содержащими препаратами на льготной основе пожилых пациентов. Расширить обучение в медицинской академии и других медицинских ВУЗах и готовить кадры по специальности «Гериатрия», обеспечить доступный прием и консультацию гериатров для пациентов старше 60 лет, активизировать научные исследования по геронтологии. Это всего лишь неполный перечень мер, которые необходимо сделать отечественному здравоохранению в Узбекистане на пути увеличения активного долголетия.

Список литературы:

1. Инфографика: Развитие сферы здравоохранения в Узбекистане в 2017–2024 годах [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://review.uz/post/infografika-razvitie-sfer-zdravooxraneniya-v-uzbekistane-v-20172024-godax (дата обращения: 22.03.2026)
2. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года, принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения. — Мадрид, 8–12 апреля 2002 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 22.03.2026)
3. Махмудова А.Н., Ибрагимова Э.Ф., Шукурова Д.Б., Абдурахмонова З.Э., Наимова З.С. Медицина Узбекистана — достижения и перспективы развития сферы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-uzbekistana-dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya-sfery/viewer (дата обращения: 20.11.2025)
4. Мирзиёев Ш.М. Встреча с представителями медицинской и фармацевтической отраслей глава Узбекистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://president.uz/ru/lists/view/8637 (дата обращения: 20.11.2025)
5. Мирзиёев Ш.М. Выступление Президента Республики Узбекистан на пятом Ташкентском международном инвестиционном форуме [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://president.uz/ru/lists/view/9317 (дата обращения: 18.06.2026)
6. Набибуллаева Р.З. Государственная политика Республики Узбекистан в области здравоохранения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. — № 2-2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-respubliki-uzbekistan-v-oblasti-zdravoohraneniya/viewer (дата обращения: 22.03.2026)

7. Обеспечение прав и выбора пожилых людей: исследование индекса активного долголетия Узбекистана [Электронный ресурс]. — Режим доступа: uzdaily.uz/ru (дата обращения: 20.11.2025)
8. Обзор отчета Комитета по Статистике Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://upl.uz/obshestvo/52158-news.html (дата обращения: 22.11.2025)
9. Оценка систем здравоохранения с позиций Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://nacmedpalata.ru (дата обращения: 20.11.2025)
10. Портал цифровых услуг Министерства здравоохранения Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://gov.uz/ru/ssv/sections/xizmatla (дата обращения: 20.11.2025)
11. Республиканские учреждения Министерства здравоохранения Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://uznj.uz/ru/republican.html (дата обращения: 22.03.2026)
12. Указ Президента Республики Узбекистан «О комплексных мерах по коренному совершенствованию системы здравоохранению Республики Узбекистан» УП №5590 от 7 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/4096199 (дата обращения: 20.11.2025)
13. Уразбахтина Ю. Компьютерные технологии в медико-биологических исследованиях: конспект лекций. — Уфа: Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, 2005. — 210 с.
14. Шульнина С.В. Отзывчивость системы здравоохранения и ее характеристик // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2015. — № 23 (1). — С. 25–27.

References:

1. Mirziyoyev Sh.M. Speech by the President of the Republic of Uzbekistan at the fifth Tashkent International Investment Forum// https://president.uz/ru/lists/view/9317 (18.06.2026)
2. Mirziyoyev Sh.M. Meeting with representatives of the medical and pharmaceutical industries, the head of Uzbekistan// https://president.uz/ru/lists/view/8637 (20.11.2025)
3. Review of the report of the Committee on Statistics of the Republic of Uzbekistan// https://upl.uz/obshestvo/52158-news.html (22.11.2025)
4. Madrid International Plan of Action on Ageing 2002, adopted by the Second World Assembly on Ageing, Madrid, 8-12 April 2002// https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
5. Republican institutions of the Ministry of Health of the Republic of Uzbekistan// https://uznj.uz/ru/republican.html (22.03.2026)
6. Makhmudova A.N., Ibragimova E.F., Shukurova D.B., Abdurakhmonova Z.E., Naimova Z.S. Medicine of Uzbekistan - achievements and prospects for the development of the sphere// https://cyberleninka.ru/article/n/meditsina-uzbekistana-dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya-sfery/viewer (20.11.2025)
7. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan "On comprehensive measures to radically improve the health care system of the Republic of Uzbekistan" UP No. 5590 of December 7, 2018// https://lex.uz/ru/docs/4096199 (20.11.2025)
8. Ensuring the rights and choices of older people: a study of the active longevity index of Uzbekistan// uzdaily.uz/ru (20.11.2025)
9. Urazbakhtina Yu.O. Computer technologies in biomedical research: lecture notes - Ufa: Ufim. state. aviation tech. un-t, 2005. - 210 s.

10. Portal of digital services of the Ministry of Health of the Republic of Uzbekistan// https://gov.uz/ru/ssv/sections/xizmatla
11. Assessing health systems from the perspective of the World Health Organization\\https ://nacmed-palata.ru
12. Nabibullayeva R.Z. State policy of the Republic of Uzbekistan in the field of health// https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-respubliki-uzbekistan-v-oblasti-zdravoohraneniya/viewer
13. Shulnina S.V. Responsiveness of the health care system and its characteristics//Problems of social hygiene, health care and the history of medicine. 2015; 23 (1): 25—27
14. Infographics: Development of the health sector in Uzbekistan in 2017-2024// https://review.uz/post/infografika-razvitie-sfer-zdravooxraneniya-v-uzbekistane-v-20172024-godax

Статья поступила в редакцию: 06.07.2026

Статья принята к публикации: 09.07.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК 320.9+940.15

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОННОТАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АНГЛИИ

Батяновский Владислав Вадимович
аспирант
Московского педагогического государственного университета,
РФ, г. Москва
E-mail: vlad.belkin.78@mail.ru

THE FORMATION AND EVOLUTION OF THE CONNOTATION OF CIVIL SOCIETY IN THE FRAMEWORK OF ENGLAND'S SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION

Batyanovsky Vladislav Vadimovich
Graduate Student,
Moscow State Pedagogical University,
Russia, Moscow

Аннотация

В статье рассматривается зарождение и развитие коннотации гражданского общества. Делается акцент на том, что понятие гражданское общество – является следствием социально-экономической трансформации европейского общества, произошедшего XIV-XVIII вв. с изменением климата, сокращением населения и падением рентабельности земледелия. Особое внимание делается на характере взаимоотношений между общественными субъектами, желавшими, путем трансформации общества, усилить свои политические позиции. Так, во Франции, где традиционно преобладала автономная королевская власть, общественная трансформация позволила монархии окончательно освободиться от власти римского Папы, что, естественно, привело к установлению абсолютизма, долгое время использовавшего силовые ресурсы для подавления городской буржуазии. Иной процесс происходил в Англии, где уникальный климат, геология и малый размер территории способствовали развитию мануфактурной промышленности, изменению общества и зарождению конфликта между представителями буржуазии и монархии. Усилившие, на фоне социально-экономического кризиса, свои позиции бюргеры смогли перестроить политическую систему под реализацию своих социальных интересов. Соответственно, идея гражданского общества – стала новым, посттрадиционным, способом легитимации власти, позволившим буржуазии аккумулировать общественные массы для завоевания и расширения власти.

Библиографическое описание: Батяновский В.В. СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КОННОТАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ АНГЛИИ // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/23150*

Abstract

This article examines the origin and development of the concept of civil society. It emphasizes that the concept of civil society is a consequence of the socioeconomic transformation of European society that occurred between the 14th and 18th centuries, with climate change, population decline, and declining agricultural profitability. Particular attention is paid to the nature of the relationships between social actors who sought to strengthen their political positions through social transformation. In this regard, special circumstances developed in England, where the unique climate, geology, and small size of the territory contributed to the development of manufacturing, social change, and the emergence of conflict between representatives of the bourgeoisie and the monarchy. The idea of civil society became a new, post-traditional means of legitimizing power, allowing the bourgeoisie to accumulate social support for the conquest and expansion of power.

Ключевые слова: гражданское общество, частная собственность, общество, политическая система, Англия, либерализм, марксизм.

Keywords: civil society, private property, society, political system, England, liberalism, Marxism.

Введение

Актуальность статьи обоснована тем, что на данный момент в российской политологической среде происходит реинтерпретация многих понятийных и методологических оснований. Так, президент российского общества политологов, декан Факультета политологии МГУ А.Ю. Шутов отметил, что отечественная политология проходит новый этап своего существования, когда прежние теоретические модели, несущие в себе определенные нормы, должны быть подчинены интересам развития и укрепления России, как государства-цивилизации. Представленный тезис поддерживает известный философ А.Г. Дугин, считающий, что наука не существует в вакууме, а выступает транслятором тех ценностных устоев, что в ней заложены.

В этом смысле, важное место начинает занимать процесс переосмысления базовых категорий. Так, в статье делается попытка понять, как зародилось и развивалось понятие «гражданское общество» в европейской традиции. Это делается для того, что понять нормативную сущность термина, его институционального влияния на общественные процессы как в самой Европе, так и других странах. Вполне допускается, что историко-политологический характер статьи может стать подспорьем для проведения более глубоких и обширных исследований в будущем.

Материалы и методы

В рамках статьи используется обширный исследовательский материал, связанный как изучением истории европейских страны (в первую очередь Англии и Франции), так и с анализом категории «гражданское общество», возродившейся в европейской традиции в Новое время. Безусловно, большой упор был сделан на переосмысление классической европейской философии, что заставило автора подробно освоить большой материал, связанный с такими именами, как Т. Гоббс. Д. Локк, А. Смит, А. Фергюсон, К. Маркс, Х. Маккиндера, М. Вебер.

Конечно, автор не обошел стороной и современные исследования проблемы, что побудило его подробно остановится на исследования работ таких авторов, как Л. Коэн, Д. Аджемоглу, Д. Даймонд, Е. Коути, А. Моруа, Н. Асонова и М. Майстата. Работы этих авторов стали фундаментом для анализа историко-политического процесса в Европе, что, безусловно, позволило расширить исследовательские горизонты и сделать не типичные выводы о развитие понятия «гражданское общество» в модернистской эпохе.

Основой исследования стала трансдисциплинарная модель, включившая в себя политологический, исторический, системный, институциональный, аксиологический и цивилизационный методы исследования. В этом смысле, ведущим подходом оказался политологический, позволивший, на основе определения первичной категории политики – власти – определить как принципы протекания политического процесса, так формы целеполагания общественных субъектов.

В конечном итоге, стоит отметить, что исследовательская модель позволила выявить базовые институциональные категории и первопричины основы зарождения и развития понятия «гражданское общество», что сделало возможным понять принципы социального устройства западного общества.

Результаты и обсуждения

В результате проведенного исследования выяснилось, что появление и развитие западной коннотации «гражданское общество» связано с общественной трансформацией, протекавшей в Европе в Новое время. Климатические изменения, произошедшие в XIII-XIV вв., обусловили социальные потрясения, связанные с голодом, депопуляцией, распространением антисанитарии, чумы и сокращением трудовых ресурсов, что, закономерно, привело к развитию нового экономического типа производства [6. С. 158-161]. Земледелие, зиждившееся на плодородности земли, мягкости климата и многочисленности населения, потеряло свою рентабельность, уступив место более производительному мануфактурному хозяйству, базировавшемуся на генезисе машинного производства и наемного труда. Станок позволил ускорить производственный процесс, снизив уровень затрачиваемого труда в корреляции со временем, нужным для производства товара, приведя, тем самым, к снижению себестоимости продукта и увеличению потребительского рынка. Буржуа начал вытеснять привычных экономических субъектов, что обусловило общественный конфликт между представителями разных групп интересов. Бюргеры, заинтересованные в расширении экономических прав и снижении поборов, стремились разрушить прежнюю общественную систему, основанную на власти Церкви и феодалов над обществом [1. С. 472-473]. В этом их поддержали представители как низших сословий, так и аристократы, желавшие пересмотреть общественный тип устройства общества для увеличения собственной власти. Короли, совместно с крестьянами и буржуа, боролись за свою независимость от слабеющей Церкви, что привело, с увеличением роли армии, к установлению нового типа господства, вошедшего в историю как абсолютизм. Больше не ограниченные церковными предписаниями монархи получили неограниченную власть, позволяющую им беспредельно реализовывать свои интересы, что, закономерно, детерминировало новый конфликт. Буржуа, заинтересованные в сохранении своей собственности, стремились ограничить монархов, создав новые нормативные ограничения, основанные на античной традиции права [3. С. 134-139]. Иначе говоря, к середине XVII в. политический процесс был

обусловлен следующим этапом борьбы за власть, начатой вследствие климатических и социально-экономических изменений. Политические субъекты, по началу стремившиеся освободить себя от церковной зависимости, вошли в новое состояние конфликта, детерминированного институциональной неразвитостью государств раннего модерна. Как буржуа, так монархи нуждались в консолидации и мобилизации населения для защиты/захвата власти, что предопределило развитие общественно-политической мысли, учитывавшей первичный интерес населения – получение и сохранение собственности.

В государствах Европы процесс общественного переустройства проходил по-разному. Если во Франции, где было много земли и относительно благоприятный климат, монархам долгое время удавалось сдерживать буржуа, то в Англии, с более прохладным климатом, постоянными осадками и малочисленными территориями, политический процесс принял иной характер. Аристократы, имевшие убыток от все более нерентабельных угодий, были вынуждены самостоятельно менять тип производства, заменяя земледелие на промышленный тип хозяйства. Подстраиваясь под экономические нужды Европы, землевладельцы начали ориентироваться на производство шелка, что привело к резкому сокращению трудовых ресурсов на селе и увеличению поголовья овец. Этому способствовала особая геология Англии, состоящая из больших пастбищ, хорошо подходящих для выпаса скота. В результате, к середине XVII в. Англия стала одной из самых развитых промышленно стран Европы, однако экономический прогресс способствовал росту социальной напряженности на разных уровнях сословной иерархии. Разрушение привычного способа производства детерминировало процесс урбанизации, повлиявший на характер взаимодействия социальных групп. Крестьянские массы, не найдя себе места в городах, стали стремительно маргинализироваться, что привело к разрушению прежнего ценностного ядра. Традиционный тип легитимации, основанный на патерналистической идее защиты населения монархом, больше не работал. Люди, брошенные государством на само попечение, ценностно больше не доверяли ни монарху, ни легитимизовавшей его власть Церкви, что, закономерно, привело к падению нравов и созданию отдельных социальных объединений, угрожавших существованию системы. Генрих VIII, правивший в первой половине XVI в., не мог не учитывать это обстоятельство. Заинтересованный в сохранении свой власти, король издал указы, предусматривавшие как физическое уничтожение нищенствующего населения, так и ограничение аристократов в их праве на изгнание крестьян со своих земель. Выступив против двух крупных социальных групп, король обусловил будущий общественный конфликт между спонтанно возникшим союзом черни-буржуазии и политической связкой богатых землевладельцев и монарха. Поначалу конфликт был не столь масштабным, однако, с увеличением экономической роли буржуа, его общественный охват возрастал. Однако, до XVII в. королям удавалось, путем применения силовых и утилитарных ресурсов, сдерживать буржуа. Изменения начали происходить в начале XVII в., когда королевская власть, ослабленная династическим кризисом, больше не могла упреждающе сохранять свое господство. Яков I был вынужден уступить аристократам, что привело к усилению парламента и увеличению роли буржуа. Однако, сменивший его Карл I пошел на конфликт с парламентом, что, закономерно, привело сначала к латентной, а, затем, открытой форме борьбы. Начавшаяся в 1642 году гражданская война стала кульминацией борьбы буржуазии с монархией,

закончившейся установлением нового типа правления. То есть, особые географические и экономические условия Англии способствовали определенному развитию политического процесса, отличающегося от подобного развития в других частях Европы [12. С. 287-332].

Борьба стимулировала развитие общественно-политической мысли. Борющиеся стороны пытались привлечь на свою сторону крестьянские и городские массы, способствуя, тем самым, усилению своих военно-политических позиций и легитимации собственного правления. Центральным вопросом для сторон стала собственность. Как буржуа, так и аристократы с монархом понимали, что обездоленная чернь будет бороться за тех, кто гарантирует получение и сохранение собственности. Людям, первостепенно, нужно было обещать возвращение их достойного существования, эмпирически ассоциировавшегося с правом на сохранение результатов своего труда. Именно поэтому, с учетом разложения традиционного типа легитимации, актуальной стала идея общественного договора. Стороны подразумевали, что их власть исходит от народа, а значит поддержка населения должна доказать правомерность существующих общественных оснований. С этой точки зрения, идея «гражданского общества» стала фундаментальной основой нового типа легитимации. Опираясь на античное понимание гражданских прав, основанных на активном участии в политике и обладании собственностью, философы, поддерживая ту или иную сторону конфликта, пытались обосновать определенный тип устройства общественной системы, оправдывая действия субъектов посредством свободной политической воли индивидов, входивших в состав гражданского общества [5 С. 111-113]. Иначе говоря, политический конфликт детерминировал развитие общественной мысли в сторону признания субъектности и интересов населения. Идеи гражданского общества и общественного договора появились в качестве нового способа легитимации, основанной на рациональном типе признания политического права населения на формирование общественных отношений.

Впервые эту идею описал английский философ Т. Гоббс. Поддерживая абсолютную монархию, мыслитель пытался легитимировать неограниченную власть государя посредством генезиса томизма с рационализмом. Негативная природа человека, сопряженная с врожденной завистью, определила естественное состояние борьбы всех против всех, когда индивиды, не ограниченные ни этикой, ни правом, ни внешним арбитром, насильственно приобретали имущество, накапливая, тем самым, свое состояние. С расширением капиталов наиболее богатые и сильные представители человеческого общества осознали, что в условиях вечной борьбы невозможно сохранить собственность от посягательств со стороны иных, более способных и агрессивных субъектов. Ими, путем гражданского объединения, было принято решение о создании института, способного, путем делигитимации прав и свобод, подавлять человеческую природу для достижения общегражданского блага – сохранения собственности. Иначе говоря, идея Т. Гоббса предполагала, что люди, объединенные вокруг общего намерения защиты собственности, рационально откажутся от своей свободы и передадут волю государству, способному подавить страждущую природу человека. Гражданское общество, в этом отношении, выступало как средством рациональной аккумуляции негативных индивидов для выполнения общей цели – создания государства и защиты собственности [9. С. 194]. После создания центрального политического института гражданское общество, как отдельный социальный субъект, должно было инкорпорироваться во всемогущее государство, созданное для подавления

воли человека. Тем самым, мыслитель оправдывал абсолютизм рациональной волей самих людей, объединенных в единое целое для ограничения свободной воли путем создания института насилия [4. С. 280-287].

Идейно Т. Гоббсу оппонировал отец либерализма Д. Локк, считавший, что общественный договор заключается людьми не для ограничения негативной человеческой природы, а для регуляции трудовых и имущественных отношений. Человек, воспитанный в одной социокультурной среде, в одних нормах, не может быть злым по природе. Однако, разный жизненный опыт может деформировать индивида, сделав его эгоистичным и этически деструктивным. Для ограничения таких субъектов люди, объединенные в гражданское общество, создают, путем заключения общественного договора, государство, нормативно регулирующее межличностные и социальные взаимоотношения людей. Институт государства, в этом случае, имеет достаточно ограниченные функции – его задачей является сохранение жизни и свободы, зиждущейся на частной собственности. Без гарантирования права человека на результаты своего труда невозможно полноценно обеспечить как его жизнь, так и его свободное развитие. То есть, в понимании Д. Локка гражданское общество тоже выступает некой совокупностью индивидов, объединенных единой целью сохранения собственности посредством заключения общественного договора. Однако, в отличие от Т. Гоббса, философ не считал, что гражданское общество создается для самоограничения воли людей. Скорее, мыслитель считал, что объединение должно помочь людям регулировать межличностные и социальные отношения, защищая их от нормативно незакрепленных обязательств между друг другом. Именно поэтому, в идеях Д. Локка, гражданское общество не исчезает, а приобретает новые функции с появлением государства. В идеале, целью центрального политического института является эффективное обеспечение общей жизни людей, однако, с приходом злых людей во власть, институт может перестать выполнять свою роль. Государство, управляемое эгоистами, может служить узкосоциальным интересам, уничтожающим свободу всех остальных посредством разрушения собственности. Гражданское общество, в этом случае, служит регулятором общественно-политических отношений, позволяющим ограничивать государство. Люди, объединенные общей целью сохранения свободы и собственности, могут свергнуть элиту, переопределив принципы функционирования государства посредством перезаключения общественного договора [7. С. 226-347]. Иначе говоря, в идеях Д. Локка гражданское общество является не просто зачинателем государства, а выступает активным общественным субъектом, регулирующим деятельность государства и элиты. Именно гражданское общество, в понимании философа, выступает центральным субъектом, регулирующим как индивидуальные, так социальных взаимоотношения, строящиеся вокруг защиты собственности.

Иную интерпретацию гражданского общества дали близкие друзья – А. Смит и А. Фергюсон. Философы, в отличие от Т. Гоббса и Д. Локка, считали, что гражданское общество и государство появились не в результате рационального акта объединения и заключения общественного договора, а путем естественного развития экономических взаимоотношений. Человек по природе эгоистичен, он всегда стремится к удовлетворению личных потребностей. Однако, эгоизм подталкивает индивида объединяться с другими людьми для получения еще больших благ. Из первичной социальной ячейки, семьи, вырастает гражданское общество, являющееся совокупностью индивидов, объединенных отношением взаимного обмена. Интересно, что обмен характеризуется мыслителями не только как материальное, но и духовное

перераспределение общественных благ. То есть, гражданское общество представляет собой не просто совокупностью людей, а является обществом как таковым. Люди, обмениваясь материальными товарами, производят и перераспределяют духовные нормы и ценности, влияющие на характер межличностных и экономических взаимоотношений внутри общества [13. С. 70-79]. Все это, в совокупности, формирует государство, как центральный общественный институт, влияющий на характер общественных взаимоотношений в разных сферах общества. Иными словами, гражданское общества, в понимании А. Смита и А. Фергюсона, является не субъектом, а социентальным объектом, в будущем, с развитием общественных наук, получившим различные коннотационные именования (модерн, формация и т.д.). В их понимании, гражданское общество является не умозрительным объединением людей, а естественной, сложившейся в результате товарообмена, социальной совокупностью, включающей в себя разные сферы общественных взаимоотношений. Государство, в этом случае, является институциональной совокупностью гражданского общества, регулирующей отношения между различными субъектами [14. С. 28-35]. То есть, в идеях философов не происходит противопоставление общества и государства. Скорее, делается акцент на том, что государство является институциональным регулятором гражданского общества, являющегося, в свою очередь, понятием, описывающим конкретные общественные отношения на определенном историческом этапе [8. С. 222-225].

Иначе говоря, к концу XVIII – началу XIX вв. сложилось две традиции понимания гражданского общества. Первая, связанная с Т. Гоббсом и Д. Локком, зиждилась на понимании общества, как некой совокупности индивидов, рационально объединенных для достижения общей цели – сохранения собственности. Мыслители делали акцент на характере свободной воли людей, формирующей, путем совместного согласования, системные и нормативные правила развития сообщества. Им оппонировали А. Смит и А. Фергюсон, считавшие, что гражданское общество является совокупностью отношений, объединенных характером перераспределения общественных благ. Философы отвергли идею рационального выбора человека, больше сконцентрировавшись на характере социентальных связей вокруг собственности. Иначе говоря, английская идея гражданского общества постепенно трансформировалась в сторону общественно-описательного характера. Понятийная трансформация была связана с изменением общественно-политических отношений, зарождением нового конфликта между победившими буржуа и не получившими долгожданных изменений масс. Развитие капитализма, ухудшение жизни крестьян и мещан, нарастание социальной напряженности, породило потребность в новом способе легитимации, получивший умозрительный характер отрицания рациональной природы в пользу признания естественного характера развития общества. Индивид, в рамках общественно-политической мысли, снова потерял свою субъектность, став придатком общественных отношений, основанных на характере собственности. Именно это изменение позволило надолго освободить новые элиты от потребности расширять права граждан, что, закономерно, позволило буржуа обогащаться засчет не имеющего прав и свобод общества.

Тем не менее, нарастающий общественный кризис привел к развитию как того, так и иного направления понимания коннотации гражданского общества. В первом случае, свободная воля человека, право на гражданское участие в общественно-политических отношениях,

стала основой для развития либеральной мысли. Люди, объединенные в гражданское общество для защиты своих свобод, основанных на собственности, были признаны центральными субъектами, способными определять принципы существования всего сообщества. Во втором случае, ориентация на характер общественных отношений, зиждущихся на собственности, привела, посредством синтеза гегельянства и утопического социализма, к образованию марксистской мысли, отрицающей свободную волю индивида и ориентирующейся на характер производственных отношений. Знакомые с идеями А. Смита и А. Фергюсона К. Маркс и Ф. Энгельс описывали, как и их предшественники, гражданское общество, как совокупность отношений, базисно связанных с характером собственности, влияющим на социальную, политическую и нормативную надстройку. Порождая классовый конфликт, частная собственность закладывает основы для развития государства, как аппарата насилия, контролирующего, путем нормативного регулирования, всю общественную жизнь [10. С. 194-200]. Иначе говоря, идея гражданского общества стала основой для появления политических субъектов, боровшихся за трансформацию общественной системы в сторону более справедливого перераспределения гражданских, трудовых и иных благ.

Заключение

Подводя итог исследования, можно отметить, что идея гражданского общества появилась и развилась в условиях развития частной собственности. Буржуа, стремившиеся к наращиванию капитала, пытались, путем привлечения крестьянской массы к борьбе сначала с Церковью, затем с абсолютизмом, аккумулировать и мобилизовать массы для борьбы за получение свободы, выраженной в получении/сохранении собственности. Однако, с укреплением власти и нарастанием нового конфликта, буржуа начали трансформировать идею, придав ей социентальный характер. Парадоксально, но именно это понимание стало основой для развития марксистской мысли, поставившей целью уничтожение частной собственности, как института, порождающего вечный социальный конфликт между эксплуататором и эксплуатируемым. Первое же понимание коннотации заложило основы либерализма, поставившего целью подчинение интересам индивида общество. Соответственно, европейское понимание коннотации гражданское общество – является понятийным продуктом эпохи ренессанса и Нового времени, исторический взаимосвязанным с географическими особенностями развития социально-экономических и политических взаимоотношений в Англии.

Учитывая эту особенность термина, можно заключить, что вся западная общественная традиция основана на социальной борьбе между отдельными субъектами. Посредством идеи «гражданского общества» философы и политики пытались выстроить политическую систему, способную, на институциональных основаниях, как регулировать социальные конфликты, так и сублимировать их в позитивное социальное русло. Принимая это обстоятельство во внимание, заметим, что эта традиция крайне расходится как с изначальным (античным) пониманием термина, так и с дальнейшим его развитием в других цивилизационных единицах. Вполне вероятно, что в будущем политологам и другим специалистам предстоит переосмысливать представленное понимание термина, что, безусловно, повлияет как на его социально-политическую роль.

Список литературы:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. - М.: Издательство АСТ, 2020. С. 472-473.
2. Вебер М. Политика как признание и профессия. – Х.: «Литера Нова», 2018. С. 18-19.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализм / Макс Вебер; [перевод с немецкого М. Левинной]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. С. 134-139.
4. Гоббс Т. Левиафан — Москва: Мысль, 2001. С. 280-287.
5. Гражданское общество: истоки и современность / Науч. ред. проф. И.И. Кальной, доц. И.Н. Лопушанский. 3-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Издательство Р. Асланова. «Юридический центр Пресс», 2006. С. 111-113.
6. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: история человеческих сообществ. – М.: Издательство АСТ, 2024. С. 158-161.
7. Локк Д. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. – М.: Социум, 2019. С. 226-347.
8. Львович В.П. Теория гражданского общества / В.П. Львович. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2021 2014. С. 222-225.
9. Майстат М.А. Глобальное гражданское общество в контексте трансформации социально-политической реальности // Архаизация и традиционализация современного политического пространства в странах центра и периферии: причины и перспективы. – М.: Издательство МПГУ, 2016. С. 194.
10. Маккиндер Х. Географическая ось истории / Хэлфорд Маккиндер; [перевод с английского В. Желнинова]. – М.: Издательство АСТ, 2021. С. 25-29.
11. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / Карл Маркс; [перевод с немецкого]. – М.: Издательство АСТ, 2021. С. 194-200.
12. Мор Т. Утопия / Томас Мор; [пер. с лат. А. Малеина]. – М.: Эксмо, 2019. С. 26-27.
13. Моруа А. История Англии / Андре Моруа; пер. с фр. Л. Ефимов. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2021. С. 287-332.
14. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа / Адам Смит; [перевод с английского]. – М.: Издательство АСТ, 2021. С. 70-79.
15. Фергюсон А. Опыт истории гражданского обществ / А. Фергюсон. – СПб., 1817. С. 28-35.

References:

1. Acemoglu D., Robinson D. Why are some countries rich and others poor? The origin of power, prosperity, and poverty. - Moscow: AST Publishing House, 2020. pp. 472-473.
2. Weber M. Politics as Recognition and Profession. - Kh.: "Litera Nova", 2018. pp. 18-19.
3. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Max Weber; [translated from German by M. Levinnaya]. - Moscow: AST Publishing House, 2021. pp. 134-139.
4. Hobbes T. Leviathan - Moscow: Mysl, 2001. pp. 280-287.
5. Civil Society: Origins and Modernity / Scientific editor prof.I. I. Kalnoy, Assoc. Prof.I. N. Lopushansky. 3rd ed., revised and enlarged. – St. Petersburg: R. Aslanov Publisher. “Yuridichesky Tsentr Press”, 2006. Pp. 111-113.
6. Diamond D. Guns, Germs, and Steel: A History of Human Communities. – Moscow: AST Publishing House, 2024. Pp. 158-161.
7. Locke D. Two Treatises of Government / J. Locke; trans. from English by E.S. Lagutina and Yu.V. Semenova. – Moscow: Socium, 2019. Pp. 226-347.

8. Lvovich V.P. Theory of Civil Society / V.P. Lvovich. – St. Petersburg: Polytechnic Publishing House. University, 2021 2014. Pp. 222-225.
9. Maistat M.A. Global civil society in the context of the transformation of socio-political reality // Archaization and traditionalization of the modern political space in the countries of the center and periphery: reasons and prospects. - M.: Moscow Pedagogical State University Publishing House, 2016. Pp. 194.
10. Mackinder H. The Geographical Pivot of History / Halford Mackinder; [translated from English by V. Zhelninov]. - M.: AST Publishing House, 2021. Pp. 25-29.
11. Marx K. The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte / Karl Marx; [translated from German]. - M.: AST Publishing House, 2021. Pp. 194-200.
12. More T. Utopia / Thomas More; [translated from Latin].A. Maleina]. – Moscow: Eksmo, 2019. Pp. 26-27.
13. Maurois A. History of England / André Maurois; trans. from French by L. Efimov. – Moscow: KoLibri, Azbuka-Atticus, 2021. Pp. 287-332.
14. Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations / Adam Smith; [translated from English]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. Pp. 70-79.
15. Ferguson A. An Essay on the History of Civil Societies / A. Ferguson. – St. Petersburg, 1817. Pp.

PAPERS IN ENGLISH

POLITICAL SCIENCE AND GOVERNANCE

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Статья поступила в редакцию: 08.06.2026

Статья принята к публикации: 12.06.2026

Статья опубликована: 15.07.2026

УДК 327.8

DOI: 10.32743/UniSoc.2026.134.7.22978

AMERICAN HEGEMONY IN TRANSITION: COERCIVE DIPLOMACY, MILITARY ADVENTURISM, AND THE RESHAPING OF MIDDLE EAST ORDER

Iman Jawad Hadi

Assistant Professor,
Department of Remote Sensing and Geophysics
Al-Karkh University,
Iraq, Baghdad
E-mail: iman.h@kus.edu.iq

АМЕРИКАНСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ВОЕННЫЙ АВАНТЮРИЗМ И ТРАНСФОРМАЦИЯ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО ПОРЯДКА

Иман Джавад Хади

доцент кафедры
дистанционного зондирования и геофизики,
Университет Аль-Карх,
Ирак, г. Багдад

Abstract

This article examines the trajectory of American foreign policy under the presidency of Donald Trump as a case study in what scholars of international relations have theorised as coercive hegemony. Drawing on the frameworks of offensive realism and postcolonial critique, it argues that contemporary American conduct — encompassing unilateral military action, extraterritorial coercion, and the systematic marginalisation of multilateral institutions — echoes earlier patterns of Western imperial expansion while operating through distinctly twenty-first-century mechanisms. The article pays particular attention to escalating tensions in the Middle East and the Persian Gulf region, analysing the strategic, economic, and geopolitical consequences of confrontational postures toward Iran, and the ways in which these postures are reshaping regional alignments. It further interrogates the

Библиографическое описание: Iman J.H. AMERICAN HEGEMONY IN TRANSITION: COERCIVE DIPLOMACY, MILITARY ADVENTURISM, AND THE RESHAPING OF MIDDLE EAST ORDER // Universum: общественные науки : электрон. научн. журн. 2026. 7(134). URL: *https://7universum.com/ru/social/archive/item/22978*

apparent fracturing of the Atlantic alliance and the implications this carries for global governance. The analysis concludes that the period under review may mark a structural inflection point in the post-Cold War international order.

Аннотация

В данной статье рассматривается внешнеполитический курс США в период президентства Дональда Трампа как пример того, что исследователи в области международных отношений определяют как принудительную гегемонию. Опираясь на концепции наступательного реализма и постколониальной критики, автор утверждает, что современное поведение Соединённых Штатов — включая односторонние военные действия, экстерриториальное принуждение и систематическое ослабление многосторонних институтов — воспроизводит более ранние модели западного имперального расширения, действуя при этом посредством характерно новых механизмов XXI века. Особое внимание уделяется обострению напряжённости на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива. Анализируются стратегические, экономические и геополитические последствия конфронтационной политики в отношении Ирана.

Keywords: American foreign policy, Middle East geopolitics, coercive hegemony, international order

Ключевые слова: внешняя политика США, геополитика Ближнего Востока, принудительная гегемония, международный порядок

Introduction

1. The Return of Piratical Logic in International Affairs

The late fifteenth and early sixteenth centuries witnessed European maritime expansion from Iberian ports that permanently altered the structure of global trade, territorial sovereignty, and the distribution of human suffering. Portuguese caravels rounded the Cape of Good Hope; Spanish galleons crossed the Atlantic. Behind each voyage lay a combination of economic appetite, theological justification, and the brute readiness to deploy violence against peoples who lacked the organisational or military capacity to resist. The machinery of colonialism, as numerous historians have documented, was inseparable from what contemporaries themselves sometimes called piracy — the seizure of resources and territories under the colour of authority, with the thinnest of legal or moral pretexts (Abernethy, 2000, p. 18).

The argument of this article is not that the United States of the early twenty-first century is straightforwardly a colonial power in the nineteenth-century sense. That would be too blunt an instrument of analysis. Rather, the claim is more specific: that certain features of American statecraft under the Trump administration — its preference for unilateral action, its instrumental relationship with international law, its willingness to deploy or threaten overwhelming military force to extract economic concessions — bear a structural resemblance to older patterns of coercive domination that deserve to be named and analysed rather than obscured by the euphemistic vocabulary of "security interests" and "rules-based order."

What follows is a political commentary in the scholarly tradition, informed by the theoretical frameworks that have emerged from offensive realism, world-systems theory, and postcolonial international relations. It draws on a range of secondary sources and analytical literature, including

contributions from Russian international relations scholarship that has, in some respects, offered more systematic critiques of American unilateralism than has been common in the mainstream Anglophone academy.

2. Theoretical Framework: Offensive Realism and the Imperatives of Hegemonic Maintenance

Any serious analysis of American foreign policy behaviour requires a theoretical anchor. The most useful starting point, despite its limitations, remains John Mearsheimer's offensive realism, which holds that great powers in an anarchic international system are structurally compelled to seek regional hegemony and to prevent the emergence of rival hegemonies elsewhere (Mearsheimer, 2001, p. 34). On this reading, what might appear from the outside as gratuitous aggression is better understood as the rational — if often brutal — logic of power maximisation in a competitive state system.

Yet offensive realism alone is insufficient, because it cannot easily account for the ideological dimensions of American exceptionalism, or for the ways in which domestic political configurations shape the specific form that hegemonic behaviour takes. Walt's work on alliance formation and the origins of alliances provides a complementary lens, drawing attention to how states balance against perceived threats rather than against power per se, and how miscalculation of others' threat perceptions can produce catastrophically counterproductive outcomes (Walt, 1987, p. 263). The Trump administration's approach to Iran, as will be argued below, offers a case study in exactly this kind of miscalculation.

Russian international relations scholarship has, for its part, contributed a body of critical analysis of American unipolarity that deserves wider engagement in the English-language literature. Scholars associated with IMEMO RAN (Institute of World Economy and International Relations) have argued that the post-Cold War "unipolar moment" was structurally unstable from its inception, and that American attempts to perpetuate it through military force were likely to accelerate rather than forestall the transition to multipolarity (Богатуров, 2003, с. 27). This perspective has gained considerable empirical traction in recent years. The journal Международные процессы has similarly carried important work on the erosion of international legal norms under conditions of American preponderance (Лебедева, 2010, с. 44).

A third framework, drawn from postcolonial theory, insists on naming the continuities between contemporary American practice and the longer history of Western imperialism. Chomsky's extensive documentation of what he calls the "Fifth Freedom" — the freedom to rob and exploit — places current American conduct within a historical sequence stretching back to the very maritime expansion with which this article began (Chomsky, 2003, p. 8). This framing is uncomfortable for many scholars trained in the realist tradition, but it is analytically indispensable if one wishes to understand not only what American policy does but why it takes the particular rhetorical and institutional forms it does.

3. Historical Analogies and the Grammar of Imperial Justification

One of the most striking features of the Trump administration's international conduct has been its reliance on a grammar of justification that would have been recognisable to the architects of European colonial expansion. The pretext of civilisational threat, the imperative of resource access, the instrumentalisation of legalistic language, and the selective invocation of humanitarian principles — all of these have appeared, in varying combinations, in American foreign policy statements concerning Venezuela, Cuba, Panama, and, most consequentially, Iran.

The comparison to Hitler's pretextual justifications for the annexation of the Sudetenland, the Anschluss, and the demand for the Danzig corridor, which the original text invokes, is polemically charged but analytically interesting. The mechanism in each case is similar: a powerful state identifies a weaker one as a threat (or as a site of legitimate territorial or economic claims), manufactures or exaggerates evidence for that threat, deploys it to justify actions that violate the prevailing normative framework, and relies on the unwillingness or incapacity of other states to mount effective resistance. The difference, of course, is one of context and scale; but the structural grammar of imperial justification has a remarkable persistence across time and regime type.

Historically, Latin America has served as the proving ground for precisely this kind of American conduct. From the Monroe Doctrine to the numerous interventions of the twentieth century, the region has been treated as a sphere of influence in which sovereignty is conditional and where Washington reserves the right to act unilaterally when its interests are perceived to be at stake (Smith, 2000, p. 91). The apparent extension of this logic to Venezuela in the period under review — and the broader signals it sends to other states that might be next — has to be understood against this historical backdrop, not as an aberration but as a continuation.

4. The Middle East Dimension: Iran, the Gulf, and the Unintended Consequences of Confrontation

Nowhere has the coercive logic of American hegemonic maintenance been more consequential, or more strategically ambiguous in its outcomes, than in the Middle East and the Persian Gulf. The Islamic Republic of Iran has been subject to American sanctions for over four decades — a duration that, as the original text correctly notes, has neither produced the desired regime change nor eliminated Iranian capacity for regional influence. What prolonged economic warfare has arguably produced, instead, is the consolidation of a siege mentality within Iranian political culture, the deepening of economic ties with China and Russia, and the development of asymmetric military capabilities that complicate any straightforward calculus of American military superiority (Takeyh, 2006, p. 154).

The question of Iranian nuclear ambitions sits at the heart of this confrontation, and it is a question that admits of no easy answers. The American position — that Iran must be prevented from acquiring nuclear weapons — is not without strategic logic. A nuclear-armed Iran would alter the regional balance of power in ways that most Gulf states, as well as Israel, would find deeply threatening. But the means chosen to pursue this objective — unilateral military threats, maximum economic pressure, and the systematic destruction of diplomatic frameworks that might have provided a path to managed coexistence — have, by most assessments, strengthened rather than weakened the political constituency within Iran that regards nuclear deterrence as the only reliable guarantee of national survival (Fitzpatrick, 2011, p. 7).

Any military confrontation in the Persian Gulf region carries consequences that extend far beyond the immediate parties. The Strait of Hormuz, through which a substantial portion of global oil trade passes, is an irreplaceable chokepoint in the global energy architecture. Disruption of traffic through the strait — whether through Iranian action in response to military attack, or through the general breakdown of maritime security that conflict would produce — would send energy prices to levels not seen in recent decades, with disproportionate impact on European and Asian economies that depend on Gulf energy exports. Russian analysts at IMEMO have modelled precisely these scenarios, noting the paradoxical ways in which Middle East instability tends to benefit Russian energy exporters while imposing severe costs on American allies in Europe and Asia (Примаков, 1999, с. 178).

The regional dimensions of any Iran conflict are similarly complex. Hezbollah's military capabilities have grown substantially since the 2006 Lebanon war; Houthi forces in Yemen have demonstrated the capacity to strike targets at considerable range using relatively low-cost technology; Iraqi militia groups with Iranian connections are embedded in the political and security structures of a country in which the United States has enormous political and economic investments. A military confrontation with Iran, in other words, would not be a contained bilateral affair but would likely trigger a cascade of secondary conflicts across a region already stretched thin by decades of intervention and instability. Whether the costs of such an escalation have been adequately factored into American strategic planning is a question that deserves serious scrutiny.

5. The Fracturing of the Atlantic Alliance and the Crisis of Multilateralism

One of the most significant, if underappreciated, aspects of the Trump administration's foreign policy has been its impact on the cohesion of the Atlantic alliance. NATO, which has served as the institutional backbone of American global strategy since 1949, rests on certain foundational assumptions: that major military action by any member state will be consulted on collectively, that the defence commitments embodied in Article 5 will be honoured, and that disputes within the alliance will be managed through established institutional channels. The Trump administration has, on numerous occasions, displayed a willingness to act in ways that challenge each of these assumptions.

The response of major European powers — France, Germany, Italy, and the United Kingdom — to the prospect of direct military confrontation in the Persian Gulf has been instructive. Each has, in varying degrees of explicitness, sought to distance itself from unilateral American action, to assert its own independent assessment of the strategic situation, and to resist the assumption that alliance membership entails automatic co-belligerency in operations for which there has been no meaningful consultation. This is not a trivial development. The Atlantic alliance has survived previous strains — Suez in 1956, the Iraq war in 2003 — but each strain leaves its mark on the institutional architecture and the reservoir of mutual trust that sustains it.

The broader crisis of multilateralism that the Trump administration's conduct has accelerated is, of course, not entirely of its making. The United Nations Security Council has long been paralysed by the veto power of the permanent five, and its capacity to respond effectively to violations of the rules-based order has always been contingent on great-power alignment that is frequently absent. But there is a difference between an imperfect multilateral system struggling to manage a complex world and a world in which a leading member of that system openly signals its contempt for the constraints it is supposed to uphold. The League of Nations was destroyed in part by the aggressions of revisionist powers; it is an uncomfortable question whether the United Nations faces a similar threat from within its own founding membership.

Brzezinski's classic analysis of the geopolitical imperatives of American primacy argued that maintaining leadership of a coalition of willing partners was both more sustainable and less costly than direct imperial domination (Brzezinski, 1997, p. 198). The trajectory of the Trump administration's foreign policy appears, on this reading, to represent a departure from that strategic wisdom — one that may ultimately prove more damaging to long-term American interests than to those of its nominal adversaries.

6. The Emerging Multipolar Horizon: Russia, China, and the Reconfiguration of Global Order

No analysis of the current moment in international affairs would be complete without attention to the ways in which American unilateralism is interacting with the longer-term shift in the global

balance of power. The emergence of China as a genuine peer competitor, and the reassertion of Russian strategic ambitions in Eurasia and beyond, have fundamentally altered the context in which American foreign policy operates. The unipolar moment — if it ever truly existed — has passed. The question is not whether the international system will become more multipolar but how the transition will be managed, and at what cost.

Both Russia and China have interests in Iranian stability that go well beyond any immediate tactical alignment. Iran is a critical node in China's Belt and Road infrastructure ambitions, a major potential energy supplier, and a strategic buffer against American encirclement. For Russia, a weakened or destabilised Iran would remove a significant source of leverage in Middle Eastern diplomacy and potentially open the Persian Gulf to a more unobstructed American naval presence. Both states, for these reasons, have strong incentives to provide Iran with the diplomatic cover, economic support, and — potentially — military reassurance that would make it more capable of withstanding American pressure. This triangular dynamic — American pressure, Iranian resistance, Russian-Chinese support — is one of the defining structural features of the current moment in Middle East geopolitics.

The question of Taiwan adds a further dimension of complexity. Chinese strategic planners are, with good reason, attentive to the ways in which American military engagement in the Middle East affects Washington's capacity and political will to honour its commitments in the Indo-Pacific. A prolonged and costly American confrontation with Iran — one that absorbs naval assets, strains alliance relationships, and exhausts domestic political capital — inevitably affects the credibility of American deterrence in the Taiwan Strait. These linkages are not lost on Chinese strategic analysts, and they constitute one of the less visible but potentially most consequential dimensions of the current crisis.

Conclusion

7. An Inflection Point and Its Uncertainties

The period under examination in this article may, in retrospect, come to be seen as a structural inflection point in the post-Cold War international order — a moment at which the norms, institutions, and power relationships that emerged from the Second World War and the Cold War's end were subjected to stresses that revealed, with unusual clarity, their underlying fragility. Whether those structures will be reconstituted in a modified form, replaced by something qualitatively different, or simply allowed to erode in a prolonged period of disorder, remains genuinely uncertain.

What seems less uncertain is that the logic of coercive hegemony — the presumption that overwhelming military and economic power confers the right to reshape the international environment unilaterally, to set the terms of other states' sovereignty, and to override the constraints of international law whenever they prove inconvenient — carries within itself the seeds of its own limitation. The military history of the past two decades offers ample evidence of the gap between the capacity to impose destruction and the capacity to achieve stable political outcomes. Iran is not a small country; it is not militarily weak by regional standards; it has a population with deep and historically grounded reasons to resist foreign coercion; and it has cultivated, over four decades of sanctions, a set of asymmetric capabilities and regional relationships that significantly complicate any straightforward military calculation.

The appropriate conclusion, then, is not a confident prediction but a set of analytically grounded observations. American power remains formidable; but formidable power is not the same as effective

power. The international system appears to be moving toward a more genuinely multipolar configuration; but multipolarity is not synonymous with stability or justice. The institutions of global governance are under severe strain; but they represent accumulated investments in the management of conflict that cannot easily be rebuilt once destroyed. And the Middle East, as always, will bear a disproportionate share of the costs of whatever choices the great powers make — a fact that deserves to be stated plainly, even if it is rarely permitted to alter the calculations of those with the power to make different ones.

References:

1. Abernethy, D.B. (2000). The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415–1980. New Haven: Yale University Press. 512 p.
2. Bogaturov, A.D. (2003). Great Powers in the Pacific. History and Theory of International Relations in East Asia after World War II (1945–1995). Moscow: IMEMO RAS. 352 p.Brzezinski, Z. (1997). The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books. 223 p.
3. Chomsky, N. (2003). Hegemony or Survival: America's Quest for Global Dominance. New York: Metropolitan Books. 278 p.
4. Fitzpatrick, M. (2011). The Iranian Nuclear Crisis: Avoiding Worst-Case Outcomes. London: IISS Adelphi Papers. 180 p.
5. Lebedeva, M.M. (2010). World Politics: A Textbook for Universities. 2nd ed. Moscow: Aspect Press. 365 p.
6. Mearsheimer, J.J. (2001). The Tragedy of Great Power Politics. New York: W.W. Norton. 555 p.
7. Primakov, E.M. (1999). Years in Big Politics. Moscow: Top Secret. 448 p.
8. Smith, P.H. (2000). Talons of the Eagle: Dynamics of U.S.–Latin American Relations. 2nd ed. New York: Oxford University Press. 382 p.
9. Takeyh, R. (2006). Hidden Iran: Paradox and Power in the Islamic Republic. New York: Times Books. 272 p.
10. Walt, S.M. (1987). The Origins of Alliances. Ithaca: Cornell University Press. 321 p.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

UNIVERSUM:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

№ 7(134)
Июль 2026

Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
Издание содержит научную информацию и в соответствии с ч. 4 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» не подлежит классификации (маркировке) по возрастным категориям

Издательство ООО «Юниверсум»

Объём издания: 64 с.

Минимальные системные требования: процессор с частотой от 1,3 ГГц; ОЗУ от 512 МБ; программа для чтения PDF-файлов; доступ к сети Интернет.

Дата размещения в сети Интернет: 15.07.2026.

18+